

A man and a woman are riding a large, colorful dragon. The woman is in the foreground, wearing a white, flowing dress, and the man is behind her, shirtless, with a black dragon tattoo on his arm. The dragon is blue and purple with yellow eyes and is flying over a mountain range at sunset. The text "Надежда Юрьевна" is written in white over the woman's dress.

Надежда Юрьевна

Моя истинная любовь

18+

Надежда Юрьевна

Моя истинная любовь

«Автор»

2026

Юрьевна Н.

Моя истинная любовь / Н. Юрьевна — «Автор», 2026

Мои родители развелись, так как мама нашла новую любовь и я решила остаться с папой, и мы с ним переехали в другой город. Я перехожу в новую школу и прямо на пороге столкнулась с хулиганом Даней и его компанией, но Даня меня возненавидел с самого первого взгляда и начал ко мне задиаться. (В этой истории будет любовь и предательство, а также магия, оборотни и драконы, но какой же будет конец у этой истории и будет ли главная героиня со своей любовью?) Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Юрьевна Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
1 «Новая глава в моей жизни.»	6
2 «Любовь постучала в сердце.»	19
3 «Пепел доверия.»	32
4 «Поцелуй по принуждению.»	55
5 «Новая школа-старые проблемы.»	65
6 «Осколки сердца.»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Надежда Юрьевна

Моя истинная любовь

Введение

Введение:

Развод родителей стал трещиной, сквозь которую в мою жизнь просочилась новая, чужая реальность. Я выбрала папу и мы уехали, оставив позади всё привычное. В новом городе даже воздух казался другим: холодным, настороженным, будто сам город не хотел нас принимать.

Первый день в школе начался с тяжёлой двери и чужого коридора, а закончился встречей, от которой по коже пробежал мороз. Даня посмотрел на меня так, словно знал что-то, чего не должна знать я, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни простого хулиганства. Только острая, необъяснимая неприязнь, будто я нарушила какое-то древнее правило, сама того не ведая.

А потом воздух едва заметно дрогнул, кулон на шее стал тёплым, и я поняла: этот город, эта школа, этот парень, который тут, — всё здесь не просто так.

За обыденностью прячутся магия, оборотни, драконы... и, возможно, судьба, которую мне только предстоит принять.

И самый пугающий вопрос остаётся висеть в воздухе: если Даня — ключ ко всему, что скрыто, станет ли он моим спасением или той самой опасностью, от которой не убежать или он не моя истинная любовь, тогда кто моя половинка?

1 «Новая глава в моей жизни.»

Я пришла в школу, и ноги будто налились свинцом — каждый шаг давался тяжело, будто коридор нарочно растягивался, не желая подпускать меня к классу. У порога стояли четверо парней: Даня, Кирилл, Илья и Никита. Все до единого, как с обложки: идеальные черты, уверенные позы, от них веяло той самой опасной притягательностью, перед которой девчонки теряли дар речи. Но сейчас эта красота казалась мне ледяной, почти враждебной.

Я столкнулась с Даней плечом к плечу, случайность, но прозвучала как удар. Он резко обернулся, и его взгляд полоснул по мне, острый, как лезвие. В этих глазах не было ни капли тепла, только холод, такой густой, что по коже пробежал озноб. Казалось, он готов был испепелить меня одним только взглядом.

Я ответила ему тем же, посмотрела прямо, не отводя глаз, вкладывая в этот взгляд всё своё презрение, всю ту обиду, которая копилась с самого утра. Внутри всё дрожало, но я не позволила себе дрогнуть ни на секунду.

Даня шагнул ко мне, закрывая путь, и воздух между нами будто сгустился, стал тяжёлым, почти осязаемым. За его спиной парни напряглись, как хищники перед прыжком, ловя каждое движение.

"Слышь, ты кто такая вообще? Думаешь, можешь так со мной разговаривать?" — его голос звучал низко, с хрипотцой, от которой мурашки побежали по спине.

Я сжала кулаки, пряча дрожь в пальцах, и выдавила ровно:

«— Я просто иду.»

Он усмехнулся, снисходительно, но в этой усмешке таилась угроза, холодная и расчётливая, как острие ножа, прижатое к горлу.

"И куда же ты так спешишь? В класс? Или хочешь ещё раз столкнуться с кем-то покрупнее меня?"

Никита и Илья переглянулись, в их взглядах читалось откровенное любопытство, они словно ждали, когда искра вспыхнет и разгорится в пламя.

«— Точно не с тобой» — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

Даня прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, злое, он не привык, чтобы ему перечили.

"Уверена? Потому что мне кажется, ты уже нашла себе проблемы на всю неделю."

Кирилл фыркнул, пытаясь разрядить обстановку: "Братишка, дай ей пройти. Или боишься, что она тебя перегрызёт?"

Даня метнул на него раздражённый взгляд, короткий, как вспышка молнии, и снова повернулся ко мне.

«— Вот именно, дай мне пройти» — я почти вытолкнула эти слова сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла.

Медленно, не сводя с меня глаз, Даня отступил в сторону, но эта провокационная ухмылка так и не исчезла с его лица, она была как печать, как обещание, что это ещё не конец.

"Ладно, иди. Но запомни, это ещё не конец наших разговоров."

Илья протянул руку, останавливая меня, и в этом жесте было что-то нарочито небрежное, но от этого не менее угрожающее: "А ты знаешь, что Даня никогда не забывает лиц тех, кто ему перечит?"

«— Как бы я жила без этой информации» — процедила я, стараясь вложить в слова всю свою показную безразличность, хотя внутри всё кричало от страха и злости.

«— Обязательно запомню.»

Илья усмехнулся шире, а Даня сделал едва заметный жест, будто теперь он смотрит на меня по-новому, внимательнее, будто изучает каждую черту моего лица, каждый нерв, каждую дрожь.

"Тогда ждём сюрпризов. Удачи, новенькая"— в голосе Ильи звучала насмешка, но где-то на дне сквозило что-то ещё, то ли уважение, то ли предупреждение.

Даня добавил, и его слова упали, как тяжёлые камни:

"И не думай, что Стеша тебя спасёт. Она только делает хуже всегда."

Я решила больше не отвечать ни слова, каждое слово сейчас было как шаг по тонкому льду. Развернувшись, я направилась к классу, чувствуя на своей спине четыре пары глаз — они прожигали насквозь, оставляли невидимые ожоги.

Стеша уже ждала у двери, и при виде её на сердце стало чуть легче, будто рядом появился маленький островок безопасности: "Эй, ты в порядке? Слышала, Даня тебя заметил"— в её голосе звучало искреннее беспокойство, а в глазах, сочувствие, которое едва не сломало мою броню.

«— Какой-то ненормальный ваш Даня»— выдохнула я, и только сейчас позволила себе чуть ослабить напряжение в плечах.

Стеша кивнула, понимая, без лишних слов: "Это он всех ненормальными считает. Но ты ему по-настоящему не понравилась."

В коридоре раздался смех парней, громкий, нарочитый, явно предназначенный для того, чтобы я его слышала. Они обсуждали меня, смаковали каждый момент, как лакомство.

«— Да пошли они»— пробормотала я, но в этом «пошли» было больше бравады, чем настоящего безразличия.

Стеша улыбнулась, тепло, искренне, и эта улыбка стала тем самым якорем, который не дал мне утонуть в собственных эмоциях: "Вот это правильное настроение. Давай забудем про них и пойдём внутрь?"

Она открыла дверь класса, где уже сидели одноклассники, и я шагнула следом, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

В классе я заметила свободные места рядом со Стешей. Она показала на одно из них, и этот простой жест, приглашение, поддержка, заставило что-то тёплое шевельнуться в груди.

"Садись сюда. Будем вместе страдать"— Стеша села у окна и похлопала по соседней парте, и в этой будничности было столько уюта, что на мгновение весь остальной мир перестал существовать.

«— Благодарю»— прошептала я, устраиваясь рядом, и достала тетрадь, пытаюсь спрятать в этом простом действии свою растерянность.

Стеша достала свою тетрадь и, чуть наклонившись ко мне, тихо сказала:

"Знаешь, у меня плохое предчувствие насчёт этого года. Даня что-то задумал."

В дверях появился учитель, и все разговоры тут же стихли, но её слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как предгрозовая тишина.

«— Если что, к директору пойду. Я их не боюсь. На любого обидчика найдётся управа»— произнесла я твёрже, чем чувствовала на самом деле, пытаюсь убедить не только её, но и себя.

Стеша хихикнула тихо, но в её смехе не было насмешки, скорее, восхищение моей смелостью:

"Мне нравится твой боевой дух. Только осторожнее, директор с Даней договор имеет."

Учитель начал урок, и класс погрузился в привычную рутину, но я всё равно чувствовала чей-то взгляд. Подняв глаза, я заметила, что кто-то из парней смотрит на меня через окно.

Я подняла бровь, вопросительно, чуть насмешливо, хотя внутри всё сжималось.

Стеша проследила за моим взглядом и тихо пояснила:

"Никита. Он всегда так делает, когда есть интересное зрелище."

Никита подмигнул мне и тут же отвернулся к друзьям, а я постаралась сделать вид, что это меня ничуть не тронуло.

«— Не поможет директор ,поможет полиция»— буднично бросила я, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном.

Стеша усмехнулась, покачала головой, но в её глазах блеснуло любопытство:

"Полиция? Серьёзно? Хочешь, чтобы они забрали всю школу?"

«— Зачем всю школу, только этих задир»— ответила я, и в моём голосе прозвучала та самая сталь, которую я пыталась в себе найти.

Стеша наклонилась ближе, её голос стал тише, почти заговорщицким:

"Ага, только хулиганов. Но ты же понимаешь, что это будет скандал? И тебя тоже привлекут."

«— Только я буду как свидетель, а у них статья»— проговорила я, сама удивляясь собственной решимости.

Стеша присвистнула: "Умно. Но они не дураки — не будут подставлять себя."

В коридоре послышались шаги ,кто-то приближался к нашему классу, и от этого звука по спине снова пробежал холодок.

Дверь открылась, и в проёме появился Даня с друзьями. Он смотрел прямо на меня, и этот взгляд был тяжелее любого физического удара.

Даня прошёл к последней парте и уселся, не отводя взгляда, а Илья что-то прошептал ему на ухо. Даня кивнул — коротко, резко, будто отдавал приказ.

Стеша напряглась, её пальцы чуть сильнее сжали край парты:

"Ой, это плохой знак. Они что-то задумали."

Урок тянулся бесконечно, каждая минута растягивалась в час. Даня иногда бросал на меня острые взгляды ,быстрые, как удары кинжала, а я делала вид, что не замечаю их, хотя каждый такой взгляд оставлял невидимый след.

На перемене Стеша дёрнула меня за рукав, её голос звучал тревожно, но твёрдо: "Слушай, может, нам лучше поосторожнее ходить по коридорам?"

В коридоре действительно собралась компания парней из друзей Дани — они стояли группой, переговаривались, бросали взгляды по сторонам, будто высматривали добычу.

Стеша взяла меня под руку, её хватка была тёплой, но настойчивой: "Пойдём через столовую. Там много народу будет и поэтому будет спокойнее ."

В столовой было шумно ,школьники обедали, звенели подносы, кто-то смеялся, и этот обычный гул казался сейчас почти спасительным. Стеша села за дальний столик у окна, будто специально выбирала место, где нас труднее заметить.

"Теперь безопасно. Но они наверняка проверят все выходы" — проговорила она, доставая свой обед, но в её движениях чувствовалась напряжённость.

Я достала свой обед, пытаюсь сосредоточиться на простых вещах ,на запахе еды, на шуме вокруг, на чём угодно, кроме тех четырёх парней, которые, казалось, заполнили собой весь мир.

Вдруг телефон Стеши завибрировал. Она посмотрела на экран и тихо выругалась:

"Блин, это Илья пишет. Спрашивает, где мы."

Она показала экран,на фотографии была камера у одного из выходов.

"Они действительно ищут" — прошептала Стеша, и в её голосе прозвучала тревога, которую она не смогла скрыть.

«—Мне всё равно. Хочешь, пиши" — ответила я, но даже мне самой мой голос показался чуть менее уверенным, чем хотелось бы.

Стеша усмехнулась с вызовом, будто пыталась подбодрить не только меня, но и саму себя:

"Давай я им скажу. Только я не знаю, что они задумали. Может, просто напугать."

Через несколько минут дверь столовой открылась, и Даня вошёл с Ильёй и Кириллом. Они обвели взглядом помещение, и когда их глаза нашли наш столик, по моему телу пробежала ледяная волна.

Они направились прямо к нам.

Даня остановился у нашего столика, сложив руки на груди. Его поза была нарочито ослабленной, но в ней чувствовалась скрытая угроза, как в хищнике, который притворяется спокойным перед прыжком. Илья и Кирилл встали позади, словно молчаливые тени.

"Нашла кого-то поинтереснее нас, Стеша?" — голос Дани звучал спокойно, но в нём звенела натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент.

Стеша пожала плечами, стараясь выглядеть непринуждённо, но её пальцы нервно теребили край скатерти:

"Она новенькая. Её зовут Милана."

Даня перевёл взгляд на меня, и этот взгляд был таким пристальным, что казалось, он видит не только моё лицо, но и все мои страхи, все сомнения, спрятанные глубоко внутри.

"Новенькая с характером, вижу. Не боится хулиганов, Ми-ла-на" — он произнёс моё имя так, будто пробовал его на вкус, осторожно, прислушиваясь к звукам, и от этого по коже побежали мурашки.

Он наклонился, упираясь руками в стол, и пространство между нами сжалось до опасной близости.

"Это плохо для тебя. Мы же можем быть очень неприятными" — его голос звучал почти буднично, но от этих слов по спине пробежал холодок, а сердце забилося где-то в горле.

Илья хмыкнул сзади, добавляя в атмосферу ещё больше напряжения: "Особенно когда злимся."

«— Как тебя там, Даня, уйди и не порть мне аппетит» — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

Даня усмехнулся, и в этой усмешке было что-то хищное:

"А ты ешь спокойно, пока можешь."

Кирилл добавил, его голос звучал нарочито лениво, но в нём тоже чувствовалась угроза: "Или хочешь, чтобы мы показали, что бывает с дерзкими девчонками?"

«— Благодарю за информацию» — ответила я, вкладывая в эти слова всю свою гордость, всю ту силу, которую только могла собрать.

Даня замер на мгновение, будто эти слова задели его, удивили, и в его взгляде мелькнуло что-то новое, не просто злость, а интерес, острый и опасный.

"Благоваришь? Хм.Интересно" — протянул он, выпрямляясь и отходя на шаг, но не разрывая зрительного контакта.

Он махнул рукой, словно сбрасывая напряжение:

"Пойдём, парни. Посмотрим, как она продержится до конца дня."

Они ушли к своему столу, но даже оттуда их взгляды продолжали скользить по мне, как невидимые нити, связывающие нас против моей воли.

Стеша выдохнула, будто только сейчас вспомнила, что нужно дышать:

"Они точно что-то замышляют. Ты правда не боишься?"

Она посмотрела на мой обед, а я действительно продолжала есть, хотя кусок едва пролезал в горло.

«— Я справлюсь» — проговорила я твёрдо, и сама попыталась поверить в эти слова.

Стеша покачала головой с уважением, в её глазах читалось восхищение: "Ты смелая. Но они вчетвером — это не шутки."

За столиком хулиганов раздался смех. Даня что-то показал друзьям в телефоне, и смех стих так же резко, как и начался.

Даня поднял взгляд на меня через всю столовую, и этот взгляд был тяжёлым, как камень.

Стеша заметила это и тихо прошептала:

"Он прямо таращится. Сейчас что-то скажет."

И он действительно сказал ,громко, так, что голоса в столовой на мгновение стихли:

"Эй, новенькая! После уроков задержись!"

Его голос ударил по нервам, и по залу пробежал шёпот — все смотрели на меня, будто я вдруг стала центром вселенной.

«— Ага, шнурки на туфлях только зашнурую»— бросила я, стараясь вложить в эту фразу всю свою браваду, хотя внутри всё сжалось от страха.

Весь стол хулиганов взорвался смехом, а Стеша закрыла лицо рукой, будто пытаюсь спрятаться от этой ситуации.

"Остроумно. Но это не спасёт тебя"— Даня усмехнулся, но в его глазах не было веселья ,только холодная решимость.

Илья добавил, его голос звучал нарочито беззаботно, но от этого было только страшнее: "Мы будем ждать у ворот!"

«— Конечно, мне же оттуда выходить из школы. Дорогу знаю»— ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается, но не позволяя себе показать слабость.

Даня усмехнулся шире, и в этой улыбке было что-то пугающее:

"Вот именно! Не убежишь."

Звонок прозвенел, и перемена закончилась. Стеша встала, её голос звучал твёрдо, будто она пыталась передать мне свою уверенность:

"Пошли, на физру. Там они не будут."

На физкультуре Даня и компания занимались в другом конце стадиона, но их взгляды периодически скользили к нам со Стешей, как невидимые крючки, цепляющие и не отпускающие.

Стеша шепнула, её голос звучал напряжённо:

"Смотри, они что-то обсуждают. Про тебя наверняка."

«— Тебе не всё равно на них? Забудь их»— проговорила я, стараясь звучать спокойно, хотя сердце колотилось где-то у самого горла.

Стеша улыбнулась, и эта улыбка была как глоток свежего воздуха:

"Верно. Продолжай игнорировать."

После физкультуры я направилась к своему шкафчику за книгами. Стеша ушла в другую сторону, и коридор вдруг показался мне пустым и слишком тихим, как перед бурей.

Я открыла шкафчик, когда услышала шаги. Они звучали глухо, размеренно, и от каждого удара подошвы по полу, по спине пробегал холодок.

Даня появился из-за угла ,один. В его фигуре было что-то угрожающее, одинокое и оттого ещё более опасное.

"Наконец-то одни"— проговорил он, и его голос прозвучал в тишине коридора особенно громко, почти интимно.

«—Я тоже так рада тебя видеть»— ответила я с сарказмом, но даже мне самой этот сарказм показался тонким, хрупким, готовым рассыпаться от малейшего дуновения.

Он прислонился к стенке шкафчиков рядом со мной, блокируя выход, и пространство вокруг меня сжалось до узкой полоски, где существовали только он и я.

"Сарказм? Неплохо"— протянул Даня, но в его голосе не было одобрения ,скорее, признание того, что я не такая, как все остальные.

Его глаза сузились, и он наклонился чуть ближе, создавая ту самую угрожающую ауру, которая сковывала движения и лишала слов.

"Знаешь, почему я зол? "— спросил он, и в этом вопросе не было любопытства ,только холодная констатация факта.

«— И почему же? »— прошептала я, хотя уже знала ответ, чувствовала его в каждом его движении, в каждом взгляде.

Он наклонился ещё ближе, и его дыхание коснулось моей кожи, оставляя невидимый след:

"Потому что ты мне не понравилась с первого взгляда. И это редкость."

Рука его легла на дверцу шкафчика, отрезая мне путь к отступлению, и этот жест был красноречивее любых слов.

"А ты мне ещё и ответила. Это личное оскорбление"— продолжал он, и в его голосе звучала та самая злость, которая не ищет оправданий, а просто существует, как стихия.

«— Не переживай, ты тоже не в моём вкусе», — бросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно, но в груди всё сжалось, будто я пыталась убедить в этом не столько его, сколько себя.

Его челюсть напряглась, и в этом резком движении проступила какая-то горькая обида, которую он тут же спрятал за гневом:

"В твоём вкусе? Теперь я в твоём вкусе должен быть? " — в его словах звенела не просто злость, в них слышалась усталость от вечных игр, от попыток угадать, чего от него хотят.

Он хлопнул ладонью по шкафчику, звук отозвался в тишине коридора, как выстрел.

"Ты не в том положении, чтобы выбирать " — выдохнул он, и голос его стал жёстким, почти чужим.

"Здесь я выбираю."

«— Я пойду, пропусти» — прошептала я, но даже сама услышала, как дрогнул мой голос, не от страха, а от того, насколько близко он стоял, как от него пахло дождём и чем-то терпким, до боли знакомым.

Он не сдвинулся с места, лишь чуть склонил голову, будто пытался прочесть меня по глазам:

"Куда? Урок начнётся через минуту. И ты останешься здесь" — Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах и тут же метнулся прочь, будто он сам себя одёрнул.

Голос стал жёстче, и в нём прорезалась угроза, которую я чувствовала кожей:

"Или хочешь, чтобы я тебя туда затащил силой?"

«— Можешь на руках занести, чтобы я лишний раз не ходила» — выпалила я, пытаюсь спрятать дрожь за дерзостью. Но внутри всё похолодело: я и правда боялась, что он согласится.

Он фыркнул, но в этом звуке не было веселья, только раздражение, смешанное с чем-то, что я не могла назвать:

"Дерзкая и неблагодарная..."

Но вместо того чтобы уйти, он действительно подхватил меня, резко, но так бережно, что у меня перехватило дыхание: одной рукой под колени, другой под спину.

"Держись" — коротко бросил он, и я невольно вцепилась в его плечи, чувствуя, как под ткань рубашки перекачиваются напряжённые мышцы.

«— Ты серьёзно? » — прошептала я, глядя ему в глаза, и вдруг увидела там не злость, а что-то похожее на отчаяние, будто он сам не понимал, зачем это делает.

Он усмехнулся, неся меня по коридору, и на секунду маска жёсткости сползла, обнажив мальчишеское упрямство:

"Абсолютно серьёзно. Раз хочешь, получай."

Учитель уже стоял у двери класса с расписанием в руках. Его брови поползли вверх, когда он увидел нас.

«—Поставь меня на пол немедленно»— прошипела я, но пальцы всё ещё сжимали его плечи, будто тело не хотело отпускать то, к чему так стремилось сердце.

Учитель нахмурился, скрестив руки на груди.

Даня замер на мгновение, будто сам удивился тому, что сделал.

"Сейчас поставлю"— тихо сказал он, и в этом «сейчас» прозвучало что-то личное, не для чужих ушей.

Он опустил меня на пол у входа в класс, но не отпустил, его пальцы сомкнулись на моём запястье, тёплые и твёрдые, не дающие сбежать.

"Проходи"— кивнул он, и в его голосе не осталось ни насмешки, ни злости — только странная, тяжёлая забота.

«— Ненормальный»— выдохнула я, но слово прозвучало не как ругательство, а как признание: он и правда был не таким, как все, и именно это пугало и манило.

Учитель прочитал наши фамилии, постучав карандашом по журналу.

"Войдите и садитесь, хватит стоять"— рявкнул он, и мы послушно шагнули внутрь, будто два зверя, загнанных в одну клетку.

Даня провёл меня к последней парте у окна, туда, где солнечные лучи ложились на стол золотыми полосами и усадил на край, чуть подтолкнув, будто боялся, что я сбегу.

"Сиди смирно. Или будет хуже"— предупредил он, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на просьбу.

Он сел рядом и под партой его пальцы снова нашли мою руку, не сжали, а просто накрыли, словно проверяя, здесь ли я.

«—А то что, снова силой на руках понесешь? »— попыталась я снова спрятать дрожь за насмешкой, но голос предательски дрогнул.

Он наклонился к моему уху и его дыхание коснулось кожи, пуская по спине мурашки:

"Провоцируешь нарочно, да? Хочешь проверить моё терпение?" — в его шёпоте не было угрозы, в нём слышалась мольба остановиться, пока оба не сгорели дотла.

Его пальцы сжались на моей ладони чуть крепче, ровно настолько, чтобы я почувствовала: он держится из последних сил.

"У меня оно не бесконечное"— признался он, и это «не бесконечное» прозвучало как самое честное, что он мог сказать.

«— Не флиртуй, ты мне не нравишься»— прошептала я, глядя прямо перед собой, потому что если бы посмотрела на него, то сказала бы совсем другое.

Он отстранился, но руку не убрал, будто это был единственный якорь, который удерживал его на месте.

"Я и не флиртую. Это предупреждение"— тихо ответил он, и в этих словах не было бравады, только тяжесть ответственности, которую он на себя взвалил.

Учитель начал урок, и класс наполнился привычным шумом, скрипом стульев, шелестом страниц, чьи-то смешки. Даня достал тетрадь и карандаш, но вместо конспекта написал мне на краешке листа: «Ты мне тоже не нравишься. Но это неважно».

«— Взаимно»— одними губами прошептала я, не поворачивая головы, но уголок его рта дрогнул в едва заметной улыбке.

Все уроки прошли в напряжённой тишине между нами, в паузах, которые становились всё длиннее, в случайных касаниях локтями, в том, как мы оба делали вид, что не смотрим друг на друга. После звонка Даня наконец отпустил мою руку, медленно, будто каждое движение причиняло боль.

"Иди к своей подруге. И держись от меня подальше"— сказал он, но его взгляд задержался на моих пальцах, словно он не хотел их отпускать.

Он вышел из класса первым, оставив на парте тетрадь с той самой записью.

«—Тогда сам ко мне не подходи, и мне не придётся быть рядом»— бросила я ему вслед, но слова прозвучали жалко, как попытка защититься от того, что уже проникло под кожу.

Стеша ждала меня у выхода, её глаза были полны тревоги.

"Что случилось? Ты выглядишь злой... или напуганной"— она осторожно коснулась моего плеча, и от этого простого жеста хотелось расплакаться.

В коридоре прошёл Даня с друзьями, и, когда он поравнялся с нами, его взгляд скользнул по мне, ледяной, непроницаемый, но в глубине зрачков мелькнуло что-то такое, от чего у меня сжалось сердце. Холодный взгляд, который обжёт сильнее любого прикосновения.

«— Ненормальный! На руках меня принёс в класс... бесит»— выпалила я, стараясь говорить громко и уверенно, чтобы заглушить дрожь в голосе.

Стеша распахнула глаза, и в них мелькнуло облегчение и что-то ещё...она поняла, что я жива, что со мной всё в порядке, хотя и далеко не хорошо : "Что?! Даня тебя на руках нёс?!"

Илья и Никита, стоявшие неподалёку, засмеялись, услышав это.

Илья: «Слышали, парни? Он её таскает на руках! »

Никита покачал головой:

"Это новая тенденция — нести девчонок против их воли?"

Даня обернулся, и в его взгляде сверкнула такая ярость, что смех тут же стих.

"Заткнитесь. Это была шутка"— бросил он, но даже я слышала, как фальшиво прозвучало это «шутка».

«— Ненормальный»— повторила я, но на этот раз в моём голосе не было злости, только усталость от этой бесконечной игры в равнодушие.

Даня подошёл ближе к группе и его тень накрыла нас, отрезав солнечный свет.

"Я не шучу с такими, как она. Просто предупредил"— произнёс он, и каждое слово падало, как камень в воду, расходясь кругами напряжения.

Стеша схватила меня за локоть, её пальцы впились в кожу, но я даже не поморщилась, эта боль была понятной, настоящей.

"Он правда странный. Будь осторожна"— прошептала она, и в её голосе слышался не страх, а волнение с чем-то, которая держала меня на плаву.

«— Хорошо»— кивнула я, хотя сама не знала, смогу ли держаться на расстоянии от того, кто притягивал меня, как магнит, даже когда я изо всех сил пыталась оттолкнуться.

Весь день Даня держал дистанцию, но его взгляды преследовали меня, как тени, которые не исчезают даже при ярком свете. Они касались меня в те моменты, когда я меньше всего этого ждала, на перемене, у шкафчика, когда я наклонялась за упавшей ручкой. Казалось, он считал каждый мой вдох, каждую улыбку, каждый испуганный взгляд.

На перемене кто-то подошёл к нам, и я вздрогнула, ожидая новой волны напряжения. Парень из параллельного класса, кажется, его звали Ваня, смотрел на меня серьёзно, без привычной мальчишеской ухмылки.

"Эй, новенькая. Даня тебе угрожал? Что-нибудь?" — спросил он, и в его вопросе не было любопытства, только готовность вмешаться, если понадобится.

Стеша напряглась, готовая броситься на защиту, но я успела поймать её взгляд и чуть заметно покачала головой.

«—Привет» — ответила я, стараясь звучать спокойно, хотя сердце колотилось где-то у горла.

Ваня кивнул серьёзно: «Отвечай. Он опасен.»

Стеша не успела дать мне ответить и выпалила за меня:

"Она не будет отвечать на такие вопросы. Даня — просто заноза."

«—А ты хочешь помочь?» — спросила я у Вани, и в этот момент почувствовала, как тяжесть, которую я тащила весь день, чуть-чуть уменьшилась.

Ваня снова кивнул и в его глазах была такая спокойная уверенность, что мне захотелось поверить: есть кто-то, кто не играет в эти опасные игры.

"Если он тебя тронет — скажи мне. Я знаю его слабые места" — просто сказал он, без пафоса, без желания покрасоваться.

Из-за угла появился Даня с друзьями. Он шёл так, будто весь мир должен был расступиться перед ним, и, возможно, так и было.

"Кого трогаю, Ваня?" — голос Дани прозвучал лениво, но в этой лени таилась угроза, от которой у Вани чуть дёрнулась челюсть.

«—Спасибо, буду знать, к кому обращаться» — сказала я, стараясь вложить в эти слова благодарность и ничего больше.

Ваня улыбнулся краем губ:

"Всегда пожалуйста. Я рядом с кабинетом химии."

Даня прошёл мимо, толкнув его плечом, не сильно, но достаточно, чтобы обозначить границы.

"Охранник нашёлся" — фыркнул он, но когда он отворачивался, я заметила, как напряжены его плечи, будто ему стоило огромных усилий не обернуться и не сказать что-то ещё.

Ваня остался стоять, пока Даня не ушёл, и только потом выдохнул, словно сбросил невидимый груз.

Стеша подтолкнула меня локтем:

"Вот так и получается, что ты уже нашла защитника."

Звонок прозвенел, как сигнал к отступлению, и мы направились в класс. В классе Стеша прошептала, наклонившись ко мне:

"Ваня нормальный, присмотришь к нему. Он в прошлом году отстаивал девчонок от Дани."

Урок начался, и мир снова сузился до тетради, ручки и запаха мела. Даня сидел через два ряда и я чувствовала, как его редкие взгляды скользят по мне, оставляя невидимые следы. На секунду наши глаза встретились и в его взгляде мелькнуло что-то, от чего у меня перехватило дыхание, не угроза, не насмешка, а... признание того, что между нами происходит что-то, чего никто из нас не может контролировать.

С ехидной улыбкой я подняла бровь, будто спрашивая: «Ну, и что теперь?» — но внутри всё дрожало от страха и восторга.

Даня нахмурился сильнее, и его челюсть сжалась так, что на ней заиграли желваки. Он резко отвернулся к окну, будто вид дождя за стеклом был важнее всего на свете.

Стеша пихнула меня локтем, её глаза были огромными от волнения:

"Не провоцируй его. Серьёзно."

«— Он сам начинает меня бесить» — прошептала я, но даже я слышала, что «бесить» — это не совсем то слово. Это было больше похоже на «пугать», «завораживать», «выворачивать наизнанку».

Во время перемены Даня встал и вышел, его движения были резкими, будто он пытался стряхнуть с себя что-то неприятное. Кирилл что-то сказал ему на ухо, слишком тихо, чтобы я расслышала, но по тому, как Даня махнул рукой, было понятно: он не хочет об этом говорить.

После уроков Стеша взяла меня за руку, её пальцы были тёплыми и надёжными.

"Пойдём быстрее. Он выглядит злым" — прошептала она и в её голосе звучала не паника, а та самая сестринская забота, которая заставляет бежать, даже если ты не хочешь показывать, что боишься.

Мы вышли из школы, и у ворот, как и следовало ожидать, стоял Даня с друзьями. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась готовность к прыжку, как у хищника, который делает вид, что отдыхает.

«— И снова здравсте, какая радостная встреча» — произнесла я с недовольной улыбкой, стараясь вложить в неё всю свою браваду, но уголки губ предательски дрожали.

Даня скрестил руки на груди, и тень от козырька упала на его лицо, делая черты резче, опаснее.

"Радость отсутствует. Мне нужно поговорить" — сказал он, и в этой простой фразе прозвучала такая тяжесть, что у меня похолодели кончики пальцев.

Стеша не отпускала мою руку, её хватка стала крепче.

«О чём?» — спросила она, и в её голосе звенела сталь, маленькая, но острая, готовая защищать.

«— Я слушаю» — сказала я, выпрямляясь, хотя каждая клеточка тела кричала: «Беги!»

Даня посмотрел на Стешу, и в его взгляде было столько усталости, что на мгновение он показался не врагом, а просто парнем, который запутался.

"Одна. Без твоей сторожевой собачки" — произнёс он, но без злобы, скорее, как человек, который не хочет, чтобы его слышали лишние уши.

Стеша напряглась, её плечи поднялись, как у кошки перед прыжком.

"Нет. Я не оставлю её."

«— Всё нормально» — тихо сказала я, глядя Стеше прямо в глаза. Я не знала, правда ли это, но знала, что если она останется, Даня ничего не скажет, а мне почему-то было важно услышать то, что он собирался сказать.

Даня усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

"Стеша, ты решила, что можешь командовать? Смешно"— произнёс он мягко, почти ласково, и от этой мягкости стало страшнее, чем от крика.

Он посмотрел на Стешу, его голос стал тише, но от этого не менее убедительным:

"Она сама сказала, всё нормально. Иди, Стеша."

Стеша колебалась, её взгляд злой, метался между мной и Даней, как будто она пыталась прочесть будущее по нашим лицам. Наконец, она кивнула мне ,коротко, резко, как бы говоря: «Если что — кричи». И ушла недалеко, остановилась за углом, готовая броситься на помощь в любую секунду.

Даня приблизился ко мне, и воздух между нами стал густым, тяжёлым, как перед грозой. Его голос был низким и опасным, и каждый слог отдавался где-то под рёбрами:

"Что ты делала с Ваней?"

«— Я? ».— переспросила я, пытаюсь выиграть время, чтобы сердце перестало стучать в ушах.

"Не играй в дурочку. Он мой враг"— процедил он, и в этом признании было столько боли и ярости, что я невольно сделала шаг назад.

Он схватил меня за подбородок, но не грубо ,его пальцы были твёрдыми, но осторожными, будто он боялся раздавить что-то хрупкое. Он заставил меня смотреть ему в глаза и в их глубине я увидела не просто злость, а страх ,тот самый, который прячется за самыми жёсткими словами.

"Отвали от него. И от меня"— прошептал он, и эти слова прозвучали не как приказ, а как просьба, которую ему было стыдно произносить.

«— Так ты сам ко мне подходишь, а не я к тебе.»— выдохнула я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, но я не собиралась плакать перед ним.

Он отпустил мой подбородок, но не отстранился ,его лицо было так близко, что я чувствовала тепло его кожи, видела мельчайшие детали: крошечный шрам у виска, тень щетины, расширенные зрачки.

"Потому что ты не понимаешь"— хрипло произнёс он.

"Эти предупреждения уже заканчиваются."

Его друзья стояли неподалёку, наблюдая за нами, как за сценой в театре, где никто не знал финала.

"Последнее предупреждение ,держись подальше. Иначе..." — он замолчал, будто слова застряли у него в горле.

«—Иначе что, поцелуешь? »— выпалила я, сама не зная, откуда взялась эта дерзость. Возможно, от отчаяния. Возможно, от желания увидеть хоть какую-то человеческую реакцию за этой бронёй.

Даня замер. Его глаза потемнели, и в них вспыхнуло что-то первобытное, дикое, от чего у меня подкосились колени.

"Смелая... думаешь, ты слишком умная? " — прошептал он, и в этом шёпоте было столько напряжения, что казалось, воздух вот-вот заискрится.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось моего лица, смешиваясь с моим и на мгновение мир сузился до этой точки, где мы стояли друг напротив друга, балансируя на краю пропасти.

"-Я могу сделать хуже"— тихо произнёс он

Он усмехнулся снова и от этой усмешки по коже пробежал колючий холодок, будто в ней пряталась тень чего-то тёмного, опасного.

"Или ты можешь проверить, насколько я серьёзен"— произнёс он тихо, но в этих словах звенела сталь.

Стеша закричала откуда-то издалека, голос её дрожал от страха и злости:

"Хватит! Даня!"

Я жала кулаки, стараясь унять дрожь, и выпалила, будто бросая ему вызов:

«— Я тебя не боюсь. Я не маленький ребёнок, чтобы трястись от каждого твоего слова.»

Даня рассмеялся, грубо, хрипло и этот смех резанул по нервам, как осколок льда.

"Это твоя главная ошибка"— протянул он, чуть наклонив голову, словно разглядывал меня как что-то непредсказуемое, почти любопытное. "Бояться нужно. Хотя бы чуть-чуть. Чтобы не шагнуть в пропасть."

Он отступил на шаг, будто давая пространство, но его взгляд не стал мягче, он оставался жёстким, цепким, будто пытался прочесть каждую мою мысль.

"Стеша, заведи её. Пока я не передумал"— бросил он, и в этой фразе прозвучало что-то большее, чем приказ, будто он сам боролся с собой.

Стеша бросилась ко мне, схватила за руку, пальцы её были ледяными.

Даня проводил нас взглядом, тяжёлым, неподвижным, как камень на дне реки. Потом резко махнул рукой своим друзьям. Они молча развернулись и ушли в противоположную сторону, растворяясь в полумраке коридора.

Стеша, тяжело дыша, впиалась в меня встревоженным взглядом:

"Ты в порядке? Что он сказал? Что это вообще было?"

Я не ответила. Я чувствовала его взгляд между лопаток, он будто прожигал ткань куртки, тянулся за нами, не отпускал ни на секунду.

«— Бред какой-то»— прошептала я, но голос прозвучал неуверенно, будто я пыталась убедить в этом не её, а себя.

Стеша вздохнула, обняла меня за плечи, прижимая к себе, словно хотела заслонить от всего мира.

"Он всегда так. Угрожает, строит из себя монстра, но никогда не трогает девчонок. Никогда."

Мы шли домой, и с каждым шагом я старалась стряхнуть, это липкое чувство тревоги, но оно цеплялось, не хотело отпустить.

"Но теперь он явно заинтересован"— тихо добавила Стеша, поглядывая на меня с тревогой.

"И это... плохо. Очень плохо."

На следующий день в школе всё было как обычно: гул голосов, скрип стульев, запах мела и старых учебников. Даня сидел с другой стороны класса, уткнувшись в тетрадь, будто и не было вчерашнего. Но стоило мне только опустить взгляд на парту, как я почувствовала это, мгновенный, острый укол чужого внимания. Его взгляд находил меня сразу, будто был связан невидимой нитью. И каждый раз, когда наши глаза случайно встречались, в его взгляде

мелькало что-то такое, от чего сердце сбивалось с ритма ,то ли предупреждение, то ли обещание, то ли просто тихая буря, которая ещё не нашла выхода.

2 «Любовь постучала в сердце.»

На перемене кто-то швырнул записку на мой стол, она приземлилась с тихим шелестом, будто сама судьба подтолкнула её ко мне. Развернув потрёпанный листок, я увидела эти строки, выведенные резким, угловатым почерком:

«Встретимся после уроков. Старый заброшенный спортзал».

Подпись отсутствовала. Но мне и не нужна была подпись, сердце сразу подсказало, чья это затея.

Стеша увидела записку и нахмурилась так, будто прочла не приглашение, а угрозу. "Опять он что-то замышляет," — пробормотала она, сжимая кулаки. "Зачем ты вообще ему отвечаешь?"

Я промолчала. Просто спрятала записку в карман, где она теперь жгла мне бок, как крошечный уголёк.

Часы тикали, каждый удар отдавался где-то в висках, растягивая минуты в вечность. Урок закончился, и класс взорвался шумом и топотом. Даня вышел первым, быстрым, хищным шагом, но перед дверью на секунду замер и бросил на меня последний взгляд. В нём было что-то предупреждающее, почти отчаянное, будто он сам не знал, чего хочет добиться этой встречи.

Я подождала, пока класс опустеет, пока затихнут последние голоса и шаги. Стеша хотела пойти со мной, схватила за рукав, её глаза были полны тревоги. "Не ходи туда одна" — шептала она. "Пожалуйста". Я мягко высвободила руку: «—Всё будет хорошо. Я должна».

В коридоре стояла звенящая тишина, та самая, что бывает перед бурей. Я шла по пустому коридору, и мои шаги звучали слишком громко, будто кто-то специально отбивал ритм моего страха. Дверь спортзала скрипнула, как стон старого дома. Внутри было пыльно, темно и пахло забытым временем.

Кто-то щёлкнул выключателем. Лампочка над головой замигала, выхватывая из темноты фигуру Дани. Он стоял, прислонившись к стене, будто пытался слиться с тенью, но свет всё равно нашёл его.

"Пришла одна?" — его голос эхом прокатился по пустому залу, и от этого звука у меня мурашки побежали по спине.

«—Да», — мой голос прозвучал неожиданно твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

Он оттолкнулся от стены и подошёл ближе, закрывая собой единственный выход. В этом движении не было угрозы, скорее, какая-то обречённость, будто он сам загнал себя в эту ловушку и теперь не знал, как из неё выбраться.

"Храбрый шаг. Или глупый"

Он резко забрал у меня записку с рук и записка, будто впитавшая в себя всю горечь невысказанных слов. Он швырнул её под ноги, и она упала с тихим, почти беззвучным шорохом, словно сама стыдилась своей роли в этой сцене.

"Знаешь, почему я тебя ненавижу?" — голос его звучал не как гром, а как треснувшая сталь: холодно, остро, опасно.

Он остановился в метре от меня, скрестив руки на груди, будто возводя между нами невидимую стену. Его глаза сузились, в них плескалась не просто злость, там бушевала целая буря, которую он пытался удержать в узде.

"Потому что ты смотришь на меня как на дерьмо. Как на всех." — каждое слово он выталикивал наружу, словно избавлялся от чего-то тяжёлого, застрявшего в груди.

Он сделал ещё шаг, теперь он вошёл в моё личное пространство и воздух между нами будто сгустился, стал густым, почти осязаемым.

«И это бесит» — прошептал он, но в этом шёпоте было больше силы, чем в крике.

«— А как я должна на тебя смотреть? Влюблёнными глазами, что ли? «— мой голос прозвучал резче, чем хотелось, но внутри всё дрожало от напряжения.

Он фыркнул презрительно, но в этом фырканье слышалась усталость, будто он сам устал от этой вечной обороны.

"Хотя бы без этого презрения. Оно мне надоело. " — он чуть наклонил голову, изучая моё лицо, словно пытался прочесть в нём ответы на вопросы, которые боялся задать вслух.

"Или ты специально провоцируешь?"

«— Я не провоцировала тебя никогда», — я чуть запнулась, будто сама удивилась тому, что говорю дальше. «— А знаешь ... вблизи оказывается, ты симпатичный. Жаль, что злой.»

Его губы дёрнулись в кривой усмешке — не насмешливой, а какой-то потерянной, будто он сам не знал, как ей управлять .

"Симпатичный? Значит, хоть что-то видишь. " — в его голосе проскользнула странная, почти горькая благодарность .

Он провёл рукой по волосам , жест, выдававший смятение, которое он так старательно прятал.

"Злой — это твоё восприятие. Я просто честный. " — он не отводил взгляд, и в этой прямоте было что-то обезоруживающее.

«— При других обстоятельствах я бы, возможно, влюбилась в это лицо... но сейчас ты меня бесишь», — призналась и сама поразилась, насколько честно это прозвучало.

Он усмехнулся шире, но глаза остались холодными ,словно лёд, который не хотел таять даже под этим странным , неловким теплом.

"Других обстоятельствах? Каких именно?" — в его вопросе сквозило любопытство, смешанное с недоверием.

Он прислонился к стене рядом со мной, создавая ловушку из пространства и тишины и я вдруг поняла, что нехочу из неё вырываться.

"Расскажи мне, что я должен сделать, чтобы я перестал тебя бесить? " — спросил он и в этом вопросе было что-то почти уязвимое, будто он на секунду опустил щит.

«— Перестать быть таким... Будь добрее» — прошептала я, чувствуя, как слова застревают в горле.

Он засмеялся ,настоящий смех, не тот грубый, колючий, к которому я привыкла. Этот был тёплым,неожиданным, почти чужим.

"Добрее? Ты требуешь от меня слишком много. " — в его улыбке мелькнуло что-то мальчишеское, почти беззащитное.

Он посмотрел на часы, и этот простой, обыденный жест вдруг вернул нас в реальность.

"У меня есть ещё пять минут до того, как друзья пойдут меня искать.Что ещё ты хочешь? " — в его голосе скользнула усталая нотка, будто каждое слово давалось с усилием.

Он заметил моё молчание и наклонился ближе, так, что воздух между нами стал густым и неподвижным. Почти шёпотом, будто боялся спугнуть тишину, произнёс:

"Молчишь? Значит, больше ничего сказать ..."

Его дыхание коснулось моего уха и по коже побежали мурашки, холодные и острые, как иголки льда. Он чуть задержал дыхание, будто сам почувствовал эту дрожь во мне.

"Тогда я пойду. Или скажи что-нибудь, пока я не ушёл" — в этих словах прозвучала не угроза, а странная, почти отчаянная просьба.

«— Ты хороший, правда... Но зачем ты скрываешь свою красоту за маской? «— слова вырвались сами, будто прорвались сквозь плотину, которую я столько дней держала.

Он замер. Маска треснула ,всего на секунду, но этого хватило, чтобы увидеть, как в его глазах промелькнуло что-то хрупкое, уязвимое, почти детское. Будто кто-то резко сдёрнул завесу, и на миг он остался без защиты.

"Красота не защищает", — тихо, почти беззвучно выговорил он. "Она только привлекает проблемы."

Он отстранился, но голос стал тише, мягче, будто слова теперь шли откуда-то из глубины, где прятались все его страхи:

"Ты видишь только поверхность. Глубже смотреть не хочешь.

«—Так покажи»— прошептала я, сама не веря, что осмелилась.

Он сжал кулаки, борясь с собой ,я видела, как под кожей перекачиваются напряжённые сухожилия, как он стискивает пальцы до побелевших костяшек.

"Показывать — это риск. Ты готова к этому риску? " — в его взгляде читалось предупреждение, почти мольба не настаивать.

Его глаза стали серьёзными, тяжёлыми, словно он уже видел, чем всё это может закончиться.

«— Готова»— ответила я твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

Он медленно выдохнул, будто сбрасывал с плеч невидимый груз.

"Хорошо. Но помни — ты сама напросилась."

Он шагнул назад, к окну, где свет падал ярче, безжалостно обнажая каждую деталь. Остановился там, позволяя свету пройти по лицу, как по карте прожитых дней.

Свет высветил его лицо полностью и я увидела то, что он так старательно прятал: тёмные круги под глазами, будто он неделями не спал; напряжённую челюсть, в которой застыла вечная борьба; шрам на скуле ,тонкий, белёсый, как след от старой грозы. Это были не просто отметины — это была история, написанная болью.

Даня опустил плечи, и в этом движении было столько усталости, что у меня сжалось сердце.

"Это я. Без масок" — произнёс он глухо, и слово «масок» прозвучало как что-то давно надоевшее, износившееся.

Голос его стал усталым, почти безжизненным:

"Теперь ты довольна правдой?"

«— Мне нравится»— сказала я тихо, но уверенно, глядя ему прямо в глаза, не отводя взгляда ни на секунду.

Он приподнял бровь, явно не ожидая такого ответа. В его взгляде мелькнуло недоумение ,как будто я сказала что-то на незнакомом языке.

"Нравится? Просто так?"

Он подошёл обратно, медленно, будто проверял, не исчезнет ли эта моя смелость, если подойти ближе. Остановился в шаге от меня и стал изучать мою реакцию, выискивая в ней хоть тень страха или отвращения.

"Большинство отворачивается после такого" — сказал он и в этих словах была не гордость, а горькая привычка к одиночеству.

«— Тебе так лучше идёт», — ответила я, чуть улыбнувшись. «— Да и я не как все.»

Его губы дрогнули в лёгкой усмешке, едва заметной, как первый луч сквозь тучи.

"Не как все? Интересно... Что ещё тебя не пугает?"

Он опёрся о подоконник и напряжение понемногу стало покидать его плечи. Он всё ещё был насторожен, но уже не так напряжён, будто позволил себе на секунду опустить щит.

«— В тебе меня ничего не пугает, — призналась я и это было правдой, пугало только то, как сильно меня к нему тянуло, вопреки всему.

На этот раз он усмехнулся шире, по-настоящему и в этой улыбке вдруг приглянулся мальчишка, которого он так долго прятал под тяжестью взрослых решений.

"Смелая девочка. Или просто глупая? " — в шутке не было злости, только попытка скрыть, как сильно мои слова его задели, в хорошем смысле.

Он покачал головой, но в глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение, тихое, осторожное, как будто он боялся спугнуть этот момент.

"Ты первая, кто так спокойно принимает мою... натуру."

Я сама не понимала, почему делаю это, но рука будто жила своей жизнью, поднялась и осторожно коснулась его лица. Я положила ладонь ему на щеку, очень бережно, словно боялась, что он рассыплется от прикосновения. Под пальцами ощущалась тёплая кожа и лёгкая, колющая щетина, живая, настоящая.

Он напрягся всем телом на миг замер, как дикий зверь, к которому впервые протянули руку. Его грудь перестала подниматься, он будто перестал дышать. Но он не отстранился.

"Что ты делаешь? " — прошептал он. Голос звучал настороженно, но не зло, скорее, как человек, который не верит своим глазам.

«— Не знаю... » — честно призналась я.

«— Когда я рядом с тобой, я вообще не понимаю, что творю. Наверное, мне лучше уйти...»

Я попыталась отнять руку, сделать шаг назад, спрятаться от этого странного, обжигающего чувства, но он вдруг схватил моё запястье, не грубо, но твёрдо, так, что стало ясно: он не отпустит.

"Стой, " — резко, но без гнева. "Не убегай после такого признания."

Хватка была крепкой, но не болезненной, скорее, она удерживала не только мою руку, а весь тот вихрь эмоций, который грозил унести меня прочь.

"Ты странная" — выдохнул он, будто это было самым важным открытием в его жизни.

"И мне это... неожиданно интересно."

«— Я пойду... Знаешь, шрам украшает мужчину. И неважно, что другим ты не нравишься. А мне ты понравился с первого взгляда. » — Слова сорвались с губ раньше, чем я успела их удержать, и в груди что-то дрогнуло от собственной смелости.

Он отпустил моё запястье медленно, будто не хотел разрывать эту тонкую связь, но взгляд не отпустил ни на миг.

"С первого взгляда?" — переспросил он, и в голосе скользнула та самая уязвимость, которую он так старательно прятал.

"Тогда почему сейчас убегаешь?"

Его голос стал тише, почти просящим, словно он боялся спугнуть этот миг:

"Или это был просто способ увидеть мою реакцию? Чтобы проверить, заденет ли меня?"

«— Чтобы не творить глупостей», — прошептала я, но даже себе не могла признаться, что сама уже запуталась, где кончается осторожность и начинается желание.

Он скрестил руки на груди, блокируя путь и в этом жесте не было агрессии, скорее отчаянная попытка удержать контроль.

"Какие именно глупости? Говори конкретнее." — В его голосе зазвенел вызов.

"Или ты боишься назвать их вслух? Боишься признаться даже себе?"

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения, и вдруг выдохнула, глядя ему прямо в глаза:

«— Поцелуй меня.»

Он замер на секунду, словно мир вокруг остановился и даже воздух стал гуще. В его взгляде читалось удивление, смешанное с чем-то похожим на испуг, будто он не ожидал такой прямого.

Затем он шагнул ближе, нависая надо мной, и пространство между нами сжалось до предела.

"Ты серьёзно?" — спросил он, и голос прозвучал чуть хрипло, будто ему вдруг стало трудно дышать.

Его дыхание участилось, но взгляд стал жёстким, собранным, как у человека, который привык держать оборону.

"Это не шутка для меня" — произнёс он твёрдо, будто хотел, чтобы я поняла всю серьёзность момента.

«— Я не шучу» — ответила я тихо, но уверенно, не отводя глаз.

Одним движением он притянул меня за талию, прижимая к стене рядом с окном. Стекло едва слышно звякнуло, а я почувствовала, как холодный край подоконника врезался в спину — и это только обострило ощущение реальности.

"Тогда не вздумай пожалеть об этом потом" — прошептал он, и в этих словах слышалась не угроза, а предупреждение, обращённое скорее к самому себе.

Его лицо оказалось в сантиметрах от моего, и время будто растянулось.

"Последний шанс передумать" — сказал он, но в голосе уже не было твёрдости, только напряжённое ожидание.

Его губы так манили, что сопротивляться не осталось сил. Я потянулась вперёд и поцеловала его сама. Он не сопротивлялся, но его руки мгновенно сжались на моих боках, крепко, будто он боялся, что я исчезну.

Поцелуй получился жёстким, требовательным, словно он действительно проверял границы дозволенного, искал ту черту, за которой всё изменится. И в то же время в нём чувствовалось что-то отчаянное, будто он сам балансировал на краю.

Он отстранился первым, тяжело дыша, и на секунду прикрыл глаза, словно пытаясь собраться.

"Блин..." — выдохнул он, будто это слово могло хоть немного вернуть ему контроль над собой.

Его глаза потемнели, а голос стал хриплым:

"Ты действительно необычная. Не такая, как все."

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе, лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки. На моём лице сама собой заиграла улыбка, не дерзкая, не кокетливая, а какая-то светлая, будто внутри вдруг зажёгся тихий свет.

Он усмехнулся в ответ, но в этой усмешке не было прежней злости, только удивление и что-то похожее на облегчение.

"Улыбаешься после того, как я чуть не съел тебя?" — в его голосе прозвучала лёгкая ирония, но она не ранила, а скорее пыталась скрыть собственные чувства.

Он покачал головой, но улыбка не исчезла, будто он сам не мог поверить в то, что только что произошло.

"Может, ты ещё и ненормальнее меня?" — бросил он с напускной небрежностью.

«— Может, мы вместе ненормальные» — тихо ответила я, глядя на него без страха.

«— Поэтому меня к тебе и тянет. Как будто только рядом с тобой эта «ненормальность» становится нормальной.»

Он фыркнул, но взгляд его заметно смягчился и напряжение, сковывавшее плечи, понемногу начало уходить.

"Вместе, говоришь? Интересная мысль..." — протянул он, словно пробовал эти слова на вкус.

Он отпустил мою талию, но остался рядом, не делая попытки отойти, будто теперь уже ему не хотелось разрывать эту связь.

"И что теперь, ненормальная Милана? Будешь ходить вместе со мной?" — в вопросе слышался вызов, но теперь в нём не было угрозы, скорее приглашение.

"— Я ни за кем бегать не буду" — твёрдо сказала я, поднимая подбородок.

"— Если я тебе не нравлюсь — переживу. Не впервой учиться не надеяться на то, чего не будет.»

Он прищурился, изучая моё лицо, будто пытался прочесть в нём то, что я не решалась произнести вслух.

"Не нравишься?" — переспросил он тихо. "Я этого не говорил."

Его пальцы снова коснулись моего подбородка, мягко, но настойчиво заставляя поднять голову, чтобы наши взгляды встретились.

"Просто предупреждаю: я не простой. Со мной всё не по правилам, не по учебнику. И если ты остаёшься, будь готова к тому, что иногда будет тяжело."

В его голосе звучала угроза, но в глазах мелькнуло что-то похожее на обещание, будто он хотел не отпугнуть, а честно предупредить, чтобы потом не было обид.

«— И я непростая», — улыбнулась я, чуть наклонив голову.

«— Не из тех, кто ждёт у окна и вздыхает. Если уж быть вместе, то без полуправды.»

Он на секунду задержал дыхание, будто эти слова что-то в нём сдвинули, и затем едва заметно кивнул, словно принимая мои условия.

Он отошёл на шаг, но не ушёл — будто сам себе не позволял разорвать эту тонкую нить между нами.

"Следи за собой. И за мной"— произнёс он тихо, почти шёпотом и в этих словах прозвучало не предостережение, а странная просьба, будто ему было важно, чтобы я не теряла его из виду.

Звонок прозвенел резко, как удар, вынуждая его обернуться. На лице мелькнула тень улыбки, не привычной дерзкой ухмылки, а чего-то более настоящего.

"Увидимся, ненормальная"— бросил он, уже уходя, но в голосе не было насмешки, скорее обещание.

«— Как соскучусь — обязательно увидимся» — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало от этой смелости.

Он кивнул, не оборачиваясь, и двинулся к своей компании. Но через плечо всё-таки обернулся и на этот раз ухмылка была самой настоящей, тёплой, будто он сам удивлялся тому, что она появилась.

"Скучать будешь — значит, я всё делаю правильно"— произнёс он так, что у меня по спине пробежал лёгкий холодок.

Другие парни удивлённо уставились на него, явно заметив, как изменилось его настроение: обычно Даня не оборачивался, не шутил, не улыбался вот так. А сейчас в нём будто провалилась какая-то другая сторона, та, которую он прятал ото всех.

Я вышла из спортзала и пошла в класс. По дороге сердце колотилось где-то в горле, а в голове крутились его слова. В классе я увидела, как Илья что-то шепчет Дане на ухо, склонившись почти вплотную. Даня только отмахивается, будто слова Ильи, это надоедливая муха, не стоящая внимания. Никита и Кирилл переглядываются, в их взглядах, недоумение и любопытство: что с ним сегодня?

Снова прозвенел звонок, и на его лице вдруг появилась улыбка, лёгкая, едва заметная, но такая непривычная, что я невольно задержала дыхание.

Первый урок прошёл в напряжённой тишине. Все парни то и дело поглядывали в мою сторону, будто пытались разгадать какую-то тайну. Даня сидел, будто ничего не происходило, но я чувствовала на себе его взгляд, колющий, внимательный, будто он проверял, не исчезла ли я.

На перемене Даня встал у двери, явно блокируя выход. Его друзья заняли другие стратегические точки, словно это был какой-то молчаливый ритуал, в котором я была и целью, и загадкой.

"Куда спешишь?" — спросил он с издёвкой, но в глазах читалось не злорадство, а любопытство, будто он сам не знал, чего ждёт от моего ответа.

«— К тебе» — ответила я просто, без кокетства, без игры. Просто как факт.

Он приподнял бровь, явно не ожидая такой прямоты.

"Конкретнее"— произнёс он, делая шаг вперёд, сокращая расстояние. Воздух между нами будто стал гуще, тяжелее.

Его губы дрогнули, но он быстро спрятал улыбку за надменным выражением лица.

"Час прошёл. Не слишком быстро ты соскучилась?"

Я не стала дерзить, не стала оправдываться. Просто улыбнулась ему в ответ ,спокойно, искренне. И эта тишина, эта улыбка, казалось, сделали больше, чем любые слова.

Даня чуть отступил в сторону, освобождая проход, но не отводя взгляда.

"Пойдём. Покажу кое-что интересное" — сказал он, и в голосе не было вызова ,скорее приглашение в свой мир, который он редко кому открывал.

Он взял меня за руку не крепко, но уверенно, будто боялся, что я передумаю. И повёл по коридору к лестнице наверх, игнорируя удивлённые взгляды одноклассников. Каждый шаг отдавался внутри странным теплом ,будто я наконец-то шла туда, где должна была быть.

На крыше было пусто и тихо ,видимо, редко кто-то сюда забирался. Ветер гулял между стенами, шевелил волосы, и казалось, что здесь время течёт иначе.

"Садись" — он указал на край крыши, где стоял старый деревянный ящик, потемневший от дождей и ветра.

Он устроился рядом, вытащив пачку сигарет. Закурил одну, и дым клубился между нами, словно тонкая завеса, за которой прятались невысказанные слова.

"Значит, правда соскучилась? " — спросил он, выпуская дым и изучая моё лицо, будто искал в нём подвох.

«— Возможно. А ты бросить курить не хочешь? » — спросила я осторожно, не как упрёк, а как просьбу.

Он хмыкнул, но сигарету не убрал ,в его взгляде мелькнул вызов.

"А ты мне запретишь?"

«— Нет, не запрещаю» — покачала я головой.

«— Просто мне не нравится. Ты такой красивый, а запах сигарет портит тебя.»

Он замер на секунду ,словно эти слова ударили его не грубо, а точно, прямо в самое уязвимое место.

"Красивый, говоришь? " — переспросил он медленно, будто пробовал слово на вкус.

Медленно выдохнул дым, изучая выражение моего лица, ища в нём насмешку, игру, ложь. Но не находил.

"И что, если я продолжу курить?"

Я приподнялась, протянула руку и забрала у него сигарету. Улыбнулась,легко, без агрессии.

"Теперь что с ней делать будешь? " — прозвучало в его голосе что-то похожее на восхищение, смешанное с опасением. Улыбка у него была хищная, но в ней промелькнуло что-то новое ,будто он впервые видел кого-то, кто не боится его.

Молча потушила сигарету и выкинула. Он наблюдал за каждым моим движением, не отводя глаз.

"Жаль. Дорогая была" — произнёс он спокойно, но в голосе не было сожаления ,только любопытство.

"Но ты права. Пахнет теперь лучше."

“— Не кури при мне, пожалуйста” — сказала я тихо, почти шёпотом.

Он прищурился сильнее, словно взвешивал что-то внутри себя, каждую свою привычку, каждую броню, которую носил годами.

“При тебе — не буду” — сказал неожиданно серьёзно, почти послушно. “Если это так важно.”

«Спасибо» — прошептала я и это простое слово вдруг стало чем-то большим.

Он слегка наклонил голову, заинтригованный этим «спасибо» — будто оно значило больше, чем все его победы и все его дерзости.

“Не за что, ненормальная” — усмехнулся он, но тут же добавил с неожиданной теплотой: “Только ради этого «спасибо» можно и потерпеть.”

«— Как здесь красиво» — выдохнула я, поднимая голову к небу.

Он приподнял бровь, уловив двойное дно в моих словах, не совсем понимая, про что именно я говорю, про крышу, про ветер, про этот момент

“Красиво... Что именно?” — спросил он, и взгляд стал острым, словно он искал подвох.

«— Высота, небо» — ответила я просто.

Он обвёл взглядом крышу, потом поднял голову к небу, будто видел его впервые.

“Высота — это просто расстояние между точками” — произнёс он философски, но в глазах мелькнула тень чего-то большего, чего он не хотел называть. “А небо... небо по-разному бывает.”

«— Ты только посмотри: какое чистое небо, и очень нежное солнышко греет нас» — сказала я, чувствуя, как тепло проникает под кожу, разгоняя холод, который я носила в себе так долго.

Он прикрыл глаза на мгновение, впитывая это тепло, позволяя себе быть просто человеком, а не тем, кем все его считали.

“Действительно нежное” — прошептал он, открывая глаза и внезапно глядя прямо на меня.

“Как ты.”

Эти слова прозвучали тихо, почти интимно, будто он не хотел, чтобы их услышал кто-то ещё. Даже ветер, казалось, замер, чтобы не спугнуть этот миг.

Я повернула голову в его сторону и улыбнулась искренне, без притворства, без страха. Его губы растянулись в ответной улыбке, редкой, настоящей, без привычной надменности, без брони.

“Вот так улыбайся чаще” — сказал он тихо.

Он протянул руку, словно хотел коснуться моей щеки, но остановился в последний момент, будто боялся нарушить хрупкое равновесие.

“И только мне” — добавил он чуть хрипло.

«— Ты тоже чаще улыбайся, но желательно только мне» — ответила я, чуть наклонив голову.

Улыбка стала шире, почти озорной.

“Только тебе, значит?” — переспросил он, откинувшись назад и опираясь на руки. “Сделка есть сделка. Но ты тоже должна улыбаться только мне.”

Это был явный приказ, смешанный с игривостью, с чем-то, что звучало как обещание.

«— Хорошо, слушаюсь, мой рыцарь» — улыбнулась я, чуть склонив голову, будто делала реверанс.

Его глаза загорелись чем-то диким, живым, будто эти слова зажгли в нём что-то давно потухшее.

"Мой рыцарь?" — он резко сел прямо, придвинувшись ближе, так что между нами почти не осталось воздуха.

"Значит, я теперь твой?"

Голос был низким, с ноткой собственничества, но в нём не было угрозы, скорее отчаянная надежда услышать подтверждение.

«— Конечно. Ещё когда я только тебя увидела» — ответила я спокойно, глядя ему прямо в глаза.

Он наклонился так близко, что его дыхание коснулось моего лица, и я затаила дыхание, боясь спугнуть этот момент.

"И что же ты увидела?" — спросил он тихо, и пальцы его легли на моё запястье, обхватывая не грубо, но твёрдо, будто проверяя, настоящая ли я.

"Скажи мне правду."

«— Красоту, которую никто не видит» — прошептала я, не отводя взгляда. «— Ту, что прячется за твоей надменностью, за твоими шутками, за твоей бронёй. Я её увидела сразу.»

Хватка на запястье усилилась, но осталась нежной, будто он боялся раздавить что-то хрупкое.

"Никто не видит?" — переспросил он, и в его голосе прозвучала странная уязвимость, которую он редко кому позволял слышать.

Взгляд его стал пронзительнее, будто пытался пробиться сквозь все стены, что он возводил годами, и добраться до самой сути: "А ты видишь?..."

Это уже не было вопросом, в интонации звенела окончательность, почти приговор: "И теперь ты принадлежишь мне"

«— Я не против... если и ты будешь только моим», — прошептала я, сама удивляясь, как легко сорвалось с губ это «моим», будто я наконец-то решилась присвоить то, чего боялась коснуться.

Он сжал мою руку так крепко, что кончики пальцев онемели, словно боялся, что я растаю, растворюсь в воздухе, как утренний туман.

"Только тебе" — повторил он, и в этом обещании было столько напряжения, что повисло между нами, как натянутая струна.

Тихо, почти беззвучно, будто давая клятву самому себе, он добавил: "Обещаю".

А потом вдруг усмехнулся, но усмешка вышла горькой, с тенью чего-то тёмного: "Но это значит, что ты больше никому не будешь нужна. Никому".

«— Ну почему же никому... А тебе?» — возразила я и в голосе моём прозвучала упрямая нежность, готовая спорить даже с его мрачной логикой.

Он притянул мою руку к губам и поцеловал запястье, не порывисто, а медленно, будто запечатлевая этот момент.

"Именно мне", — произнёс он и глаза его вспыхнули чем-то почти хищным, но в то же время отчаянным.

"Я буду твоим единственным. Тем, кто не отпустит. Тем, кто будет помнить».

Его пальцы переплелись с моими, крепко, до лёгкого покалывания в ладонях:

"Согласна на это? На всё ,на шум,на шёпоты, на то, что нас будут обсуждать, на то, что кто-то будет против?"

«—Согласна», — ответила я, и слово прозвучало твёрдо, без колебаний, хотя внутри всё дрожало.

Он улыбнулся ,не широко, а так, будто наконец-то получил то, что искал годами. Победно, но не зло, а облегчением:

"Согласна она".

И повторил, словно пробуя слово на вкус, запоминая его навсегда:

"Тогда пойдём".

Встал, не отпуская моей руки ,будто если разомкнёт пальцы, всё рассыплется:

"Я покажу тебе школу."

«—Пошли. И мне правда всё равно, что другие будут в шоке. Пусть удивляются, пусть шепчутся,мне важно только то, что мы сейчас вместе », — проговорила я, и в этих словах прозвучала не бравада, а упрямая решимость,будто я наконец-то перестала прятать свои чувства за маской равнодушия.

Он шагнул вперёд, уверенно ведя меня за собой, и в этом движении было что-то почти торжествующее. «

"Шок — это прекрасно",— произнёс он слегка насмешливой интонацией, но за ней угадывалось что-то ещё ,желание бросить вызов всему миру, доказать, что ему не нужно ничьё одобрение.

Голос его звучал твёрдо, почти дерзко: "Пусть смотрят. Пусть пытаются разгадать, что между нами происходит. Всё равно не поймут".

Он обвёл взглядом проходящих учеников и вэтом жесте было столько холодной гордости,что казалось, будто он не просто выставляет на напоказ наши отношения, а словно бросает каждому, из них молчаливый вызов.

" Пусть завидуют",— добавил он и в его тоне мелькнула едва уловимая горечь, будто он слишком хорошо знал, каково это быть объектом чужих пересудов.

Он провёл меня через коридор, не замедляя шага, не обращая внимания на удивлённые взгляды, на застывшие лица, на шёпот, который тянулся за нами, как шлейф. Каждый взгляд колол, царапал, но он шёл так, будто эти взгляды были не более чем пылью, которую легко стряхнуть с плеч.

"Самый важный кабинет ,мой",— сказал он, и в этой фразе прозвучало не просто констатация факта, а что-то вроде признания: вот моё место, моя территория, и теперь ты тоже можешь здесь быть.

С гордостью, в которой сквозила едва заметная уязвимость ,будто ему было важно, чтобы оценила этот жест, он остановился у двери.

"Моя группа здесь"— произнёс он, и голос его на мгновение стал тише, будто он сам прислушивался к тому, как эти слова звучат.

Распахнул дверь широко, решительно, словно открывая не просто комнату, а целый мир: "Заходи".

«—Хорошо», — ответила я тихо, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения. В груди билась сердце, тяжёлое и быстрое, а в горле стоял странный комок ,то ли от страха, то ли от предвкушения чего-то нового.

В кабинете было шумно: голоса сливались в гул, звенели парты, кто-то смеялся, кто-то спорил . Но когда мы вошли, звук будто обрезало. Несколько парней обернулись и замерли, как будто время на секунду остановилось, а потом пошло снова, но уже вдругом ритме.

Даня обвёл их взглядом, в котором не было ни извинений, ни оправданий, только спокойная уверенность:

"Ребята, смотрите".

Указал на меня, не пряча улыбки ,настоящей,без привычной маски:

«Это моя девушка. С этой минуты

. И это не шутка. И не на день. Надолго».

Парни застыли с открытыми ртами, будто не верили собственным глазам. Илья поднялся, моргая, словно пытаясь стряхнуть наваждение: "Дань... ты серьёзно?"

По кабинету поползли шёпоты, кто-то хмыкнул, кто-то отвернулся, не зная, как реагировать, а воздух будто стал гуще от напряжения.

«Серьёзное не бывает», — спокойно, но с

такой твёрдостью, что спорить никому не захотелось. Даня положил руку мне на талию , недемонстративно

, а так, будто просто не мог не касаться, будто ему нужно было чувствовать, что я здесь, настоящая, не растворюсь в этом шуме и недоумении.

«Илья, нормально поприветствуй мою девушку. Без этих своих гримас», — добавил он, и в голосе его прозвучало что-то похожее на защиту, не только меня, но и нашего «мы», которое только что родилось.

"И снова всем привет", — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла нервной, дрожащей, и я сама почувствовала, как пальцы невольно сжимаются в кулаки, пытаясь удержать равновесие.

Илья моргнул, потом усмехнулся натянуто, но уже без прежней насмешки: "Привет..."

Кирилл присвистнул, откинувшись на стуле, и в его взгляде читалось не столько удивление, сколько беспокойство:

«Даня, ты совсем с ума сошёл. Ты же понимаешь, что вы разные? Что это не продержится и недели? Что потом ты сам её оттолкнёшь, потому что не умеешь быть кем-то по-настоящему?"

Илья изучал меня взглядом, в котором читалась не просто насторожённость, а какая-то тихая защита ,будто он уже готовился к тому, что всё это обернётся болью, и хотел быть рядом, если она придёт.

Даня сжал мою талию чуть крепче —, не грубо, но так, чтобы все поняли: он не шутит, не играет, не проверяет. "Заткнись, Кирилл. Не тебе решать, сколько это продлится», — произнёс он ровно, но в этой ровности звенела сталь.

Повернулся к друзьям, и голос его стал стальным, без намёка на компромисс: "Она моя. Понятно? И если кто-то думает, что может это оспорить , пусть попробует. Прямо сейчас".

Кирилл поднял руки в примирительном жесте, но в его глазах всё ещё мелькало сомнение:

«Понятно, босс. Я просто... волнуюсь, вот и всё".

Никита наконец заговорил холодно, ровно, без эмоций: «Стеша не будет рада. Она узнает».

Встретился взглядом с Даней, и в этом взгляде был вызов, но и что-то ещё, усталость, будто он уже видел, чем всё закончится, и не хотел, чтобы кто-то снова проходил через эту боль.

Даня резко напрягся, будто от одного упоминания имени, по коже пробежал ледяной ток.

"Никита, не лезь не в своё дело", — процедил он, и в голосе скользнуло что-то острое, опасное ,словно лезвие, едва прикрытое бархатом.

Никита не отступил, смотрел прямо, упрямо:

"Она моя подруга. И она узнает"

Илья добавил с привычной издёвкой, лениво, будто смаковал каждое слово:

"И поплачет потом."

Я вскинула голову, голос дрогнул, но я не дала ему сломаться:

«—Так она твоя подруга — причём тут мы с Даней? Причём тут то, что она будет против?»

Никита усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья — только горечь, густая, как остывший кофе.

"Да хотя бы потому, что вы начали встречаться. А ещё потому, что ты... выглядишь счастливой. Слишком счастливой."

Даня резко отвернулся к окну, будто хотел спрятаться за стеклом, за серым небом, за дождём, который вот-вот должен был хлынуть. Его плечи стали жёсткими, угловатыми.

Он не смотрел на меня, но потянул к свободной парте ,крепко, уверенно, так, что у меня на секунду сбилось дыхание.

"Садись рядом со мной"— бросил он, и в этом приказе прозвучало что-то большее, чем просто слова. Будто он сам себе доказывал: «Она здесь. Она со мной».

3 «Пепел доверия.»

Он усадил меня на соседний стул , не просто посадил, а почти бережно, будто боялся, что я исчезну, если отпустить хоть на секунду. Потом опустился сам, чуть ближе, чем нужно, и выдохнул:

"Вот так"

Прозвенел звонок ,резкий, будто ножом разрезал воздух.

Даня покосился на дверь, потом снова на меня, и голос его прозвучал глухо: «Первый урок начинается".

Он достал тетрадь, щёлкнул ручкой, но взгляд не отрывался от моего лица. В нём читалось не просто недовольство ,там клубилась целая буря, которую он пытался удержать.

«—Скажи ,Стеша в тебя влюблена?» — вырвалось у меня и я тут же пожалела о резкости, но было поздно.

Даня дёрнулся, будто его ударили. Нахмурился так, что между бровями залегла глубокая складка:

"Откуда знаешь?"

Его пальцы до побеления сжали карандаш ,тот едва не треснул.

"Никита тебе сказал?"

«—Да тут и ребёнок бы догадался. После того как все твердили, что она будет не рада... я сразу поняла».

Он фыркнул, наклонился ближе ,так близко, что я почувствовала запах его парфюма, горького и пряного, как осенний ветер. Голос упал до шёпота, от которого по спине пробежал холодок: "Стеша — проблема. Трудно не догадаться".

Даня потёр переносицу, будто пытался стереть саму мысль о ней. Прошептал с раздражением, почти себе под нос: "Она достала уже всех своими слезами. Из-за меня".

«—Она так говорила, что ты плохой, что мне нужно держаться от тебя подальше. Только от этих слов мне наоборот захотелось тебя узнать. А теперь я понимаю, почему она не хотела, чтобы я с тобой общалась. Это была ревность».

Его глаза вспыхнули ,не гневом, а чем-то более острым, почти болезненным. "Плохой?" — процедил он, скрипнув зубами.

"Что ещё она болтала?"

Рука сама собой скользнула под парту и легла на моё колено ,тёплая, тяжёлая, заявляющая право.

«—Что ты меня обидишь, поэтому мне стоит держаться подальше. Теперь я понимаю: она просто в тебя влюблена».

Он сжал колено ,не больно, но так, что стало ясно: он не шутит. Взгляд стал острым, как лезвие:

"И ты поверила ей?Или тебе просто было интересно?"

«—Ну, если я с тобой — значит, не поверила».

Уголок его губ приподнялся ,всего на миллиметр, но в этой полуулыбке было столько гордости, что у меня внутри что-то сладко перевернулось.

«Умница".

Пальцы медленно погладили колено и от этого простого движения по коже побежали мурашки.

"Но теперь она узнает правду",— добавил он злорадно, и в этом было не торжество, а какая-то отчаянная необходимость поставить точку.

«—А сам к ней что-нибудь чувствуешь? Может, она тебе нравится?»

Он замер. Рука на колене напряглась, пальцы впились чуть сильнее. "Что?" — переспросил он так, будто я сказала что-то немыслимое.

Голос стал низким, опасным, как раскат грома перед бурей:

"Кто тебе такую нелепицу наговорил?"

«—Я просто спросила...»

Он резко отпустил колено, будто обжёгся, и отвернулся к доске. Челюсть была сжата так, что на ней заходили желваки. «Идиотка», — процедил сквозь зубы, но даже в этом оскорблении слышалось не презрение, а растерянность.

Повернулся ко мне боком, взгляд косой, колючий:

«Стеша — не мой тип".

«—Просто если вы сейчас в отношениях, я не хочу влезать и быть разлучницей».

Посмотрел на меня искоса, с сарказмом, который не смог скрыть дрожи в голосе: "Какие отношения? Она просто рыдает по мне и бежит как щенок".

«—Если Стеша не твой тип... а я твой?»

Наши взгляды встретились — и в этот миг весь класс, учитель, звонок растворились. Остались только его тёмные глаза, в которых метались тени, и моё сердце, колотившееся где-то у горла.

Он наклонил голову, изучая меня, будто видел впервые:

"С чего ты взяла? Ты слишком самоуверенная"

«—Значит, я тебе нравлюсь».

Сжал челюсть ещё сильнее, так, что казалось, зубы вот-вот треснут.

"Не отвечай на свои вопросы сама".

Перевёл взгляд на учителя, но краем глаза продолжал следить за мной, я чувствовала этот взгляд, как прикосновение.

Профессор начал урок, монотонно и скучно, но Дания, не глядя, нацарапал на моей тетради:

"Лучше молчи и не провоцируй меня".

Буквы были резкие, угловатые, будто он выводил их не ручкой, а лезвием.

Урок тянулся мучительно медленно, секунды растягивались в минуты, минуты в вечность. Я больше не смотрела на него, не отвечала, играла в безразличие, но чувствовала, как его раздражение нарастает, как пружина сжимается всё туже.

Дания постукивал пальцами по столу, сначала тихо, потом всё громче, будто пытался заглушить собственные мысли.

На перемене он схватил меня за запястье, не грубо, но так твёрдо, что спорить было бесполезно.

"Пошли в коридор".

Вытащил меня в пустой, гулкий коридор и прижал к стене, не всей тяжестью, но достаточно, чтобы я почувствовала его силу. Его рука всё ещё сжимала моё запястье, другая упёрлась в стену рядом с моей головой.

"Не играй с огнём".

«—С твоим огнём?» — прошептала я, и в горле пересохло.

Его глаза потемнели, стали почти чёрными.

"Именно".

Наклонился ближе. Его дыхание коснулось шеи, и по коже побежали мурашки, не от страха, а от чего-то гораздо более опасного.

"И я могу обжечь тебя".

«—Меня может обжечь только ревность. Если я тебя приревную к Стеше».

Усмехнулся горько, почти беззвучно:

"К ней не ревнуй. Она знает своё место".

Пальцы на запястье сжались чуть сильнее, не больно, но властно.

"А ты? Где твоё место?"

«—А если ты приревнуешь меня?»

Взгляд стал опасным, хищным. "Попробуй".

Свободной рукой схватил меня за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза. В них не было ни тепла, ни жалости, только вызов.

"Но последствия будут интересными"

«—Так и ты не допускай этого. Будь... только мой».

Он замер, изучая моё лицо, будто пытался прочесть в нём что-то, чего сам боялся. Скептически приподнял бровь: "Твой? С чего бы мне?"

«—Ты и так уже мой».

Отпустил подбородок резко, будто опомнился и отступил на шаг, но взгляд не отрывал.

"Говоришь слишком уверенно".

Скрестил руки на груди, отгородившись, но в глазах мелькнуло что-то странное, то ли удивление, то ли признание.

"Я принадлежу только себе".

«—И мне».

Усмешка вернулась, но теперь в ней было меньше яда и больше... интереса. "Спорю, что нет!"

Наклонился снова, и голос стал тише, почти интимно: "Каждый день Стеша цепляется за меня, а ты? Что ты можешь предложить?"

«—Я могу уехать. Перевестись в другую школу. Я не Стеша. Я за тобой бегать не буду».

Что-то дёрнулось в его челюсти, лёгкий, почти незаметный спазм, но я увидела. Отступил ещё на полшага, явно не ожидая такого варианта.

"Уехать? И сдашься так просто?"

«—Я ни за кем не бегаяю. Ты первый, кто мне понравился. Но если я тебе не нравлюсь... я пойду».

Его глаза сузились, будто он пытался разглядеть во мне правду.

"Не нравишься?" — повторил он, и в этом вопросе было больше, чем просто слова.

Сделал паузу, словно принимая решение, которое давалось ему нелегко. "Я не сказал, что не нравишься".

Покосился на дверь класса, будто искал там спасения.

"Но ты раздражаешь".

«—Как грубо».

Перевёл взгляд обратно, насмешливо, но в насмешке уже не было прежней злости. "А ты ожидала цветы?"

Наклонил голову набок, изучая меня с новым интересом:

"Я хулиган, забыла?"

«—Цветы не надо. Их жалко рвать. Они быстро погибают. Лучше золотом дари».

Хмыкнул, и в этом звуке было что-то похожее на смех.

"Золото тоже можно порвать."

Оттолкнулся от стены, будто сбрасывая напряжение.

"Хотя золото — это мысль».

Окинул меня оценивающим взглядом, но теперь в нём не было цинизма — только любопытство.

"Может, ты и стоишь золота"

Усмешка стала шире, свободнее.

«Вот теперь я заинтригован"

Протянул руку, но не для рукопожатия, пальцы замерли в сантиметре от моих, будто он сам не знал, чего хочет.

"Пойдём. Покажу тебе что-то"

Провёл меня через коридор к заднему двору, туда, где реже бывали учителя и где воздух был чище, будто здесь можно было дышать полной грудью. Остановился у заброшенной скамейки, покрытой тонким слоем пыли.

"Здесь тише"

Сел, похлопал рядом с собой, просто, без пафоса, но этот жест был важнее тысячи слов.

"Ну так что, расскажешь про себя?"

«—Что ты хочешь услышать? Про мой вредный характер?»

Глаза его блеснули с интересом, почти азартным.

"Всё. И про характер тоже узнать, с кем связываюсь."

«Я просто ангелочек».

Засмеялся громко, искренне, и этот смех стёр с его лица привычную маску холода.

"-Ангелочек с ядом на языке?"

Ткнул пальцем в мою щеку, легко, по-дружески, но от этого прикосновения у меня внутри всё перевернулось.

«—Смешно тебе?»

Покачал головой, но в глазах уже не было раздражения.

"Ладно, ангелочек. Тогда скажи — почему не в другую соседнюю школу перевелась, а именно в нашу?"

Я посмотрела ему прямо в глаза и выдохнула то, что боялась произнести даже самой себе:

«—Там нет тебя».

Замер на секунду, будто слова ударили его в грудь. Прищурился, пытаюсь найти подвох, но его не было.

"И только поэтому?"

Открыл рот, чтобы что-то добавить, но его телефон зазвонил, резко, настойчиво, разрушая хрупкий момент.

"Чего надо..." — буркнул он, отвечая, и голос в трубке был громким и раздражённым.

Стеша: "Где ты? Мы ждём тебя на урок! Тебя ищет учитель!"

Даня закатил глаза, но в этом жесте было не презрение, а усталость.

"Буду через пять минут".

«—Ох, любовь твоя звонит».

Резко посмотрел на меня, и в его взгляде читалось предупреждение:

"Не начинай"

Стеша продолжала требовать: "С кем ты там?!"

Он резко отключил звонок, сжал телефон так, что костяшки побелели.

"Ты издеваешься?"

Встал, но не уходил. Проводил рукой по волосам, взъерошивая их, и выглядел в этот момент не как грозный хулиган, а как человек, загнанный в угол. "Стеша — это просто..." — сделал неопределённый жест, будто пытался ухватить слова, которые не находились.

«—Я не буду больше».

Вздыхнул, и этот вздох был тяжелее любого крика. "Хорошо. Ты идёшь на урок?"

Снова посмотрел на меня и в этом взгляде было столько напряжения, что казалось, воздух между нами звенел.

Я помотала головой.

«—Не пойду. Я отпросилась. Надо домой сходить, директор просит занести недостающие документы. Через час вернусь».

"Но мы ещё не закончили".

Посмотрел на время, будто часы могли дать ему ответ.

"И правда опаздываю"

«—Беги, мой дорогой».

Усмехнулся саркастично, но в усмешке мелькнуло что-то тёплое. "Мой дорогой?"

Направился к школе, но обернулся напоследок, задержав на мне взгляд чуть дольше, чем позволяли приличия. "Посмотрим, насколько дорогим я буду после".

И исчез за дверью, оставив меня одну среди пустых коридоров и звенящей тишины.

Через окно виднелся силуэт Дани, медленно поднимавшегося по лестнице, чёткий, угловатый, будто вырезанный из сумрака. Я невольно задержала дыхание, будто боялась спугнуть этот миг, и в груди что-то сжалось: не то от тревоги, не то от странного, колющего предвкушения.

На перемене Даня прошёл мимо моего класса с друзьями, нарочно громко смеясь над чем-то, и смех этот звенел, как натянутая струна, слишком звонко, слишком нарочно. Он бросил взгляд на меня через стекло, ухмыльнулся, не доброй, а какой-то острой, хищной ухмылкой, будто проверял, зацепило ли, и продолжил путь, не замедляя шага.

В столовой за столиком в углу сидели Даня, Кирилл и Илья. Они делали вид, что о чём-то оживлённо спорят, но я чувствовала эти взгляды, короткие, быстрые, словно касания, которые тут же отдёргивали. Периодически они снова скользили по мне, и от этого по коже бежали мурашки, а ладони предательски становились влажными. Илья что-то шёпотом сказал Дане, наклонившись так, будто делился секретом, и тот кивнул с мрачным, непроницаемым выражением, от которого внутри всё сжималось.

На следующий день после уроков Даня заметил меня у выхода. Он остановился, терпеливо дождался, пока толпа рассосётся и все разбредутся, и только потом подошёл ко мне, не спеша, будто каждое движение было взвешено. Друзья шли следом, создавая вокруг нас странный, напряжённый кокон.

"Пошли прогуляемся"— бросил он, и в этих словах не было ни вопроса, ни приглашения, только приказ, обтянутый тонкой плёнкой обыденности.

«—Странно всё... но пошли», — прошептала я, сама удивляясь, как легко сорвалось это согласие с языка, будто я боялась, что, если промолчу хоть секунду, момент рассыплется, как песок сквозь пальцы.

Мы вышли на улицу. Даня шёл впереди, не оборачиваясь, не проверяя, следую ли я за ним, и эта его уверенность, эта спокойная небрежность одновременно злили и притягивали. Кирилл и Илья замыкали процессию, перебрасываясь короткими фразами, от которых воздух вокруг становился гуще.

Стеша ждала у ворот. Увидев меня рядом с ними, она будто окаменела, её лицо вытянулось, черты заострились, а в глазах мелькнуло что-то болезненное, резкое. Она подбежала к Дане, голос её прозвучал неожиданно громко, с надрывом:

"Зачем нам новый человек в нашей компании?"

В этом вопросе слышалась не просто неприязнь, в нём звенела ревность, острая и горькая, как лимон на языке.

Даня не стал ничего объяснять. Просто коротко бросил:

"Милана, идём."

И продолжил идти, будто любые слова были лишними, будто само его движение должно было стать ответом.

Стеша не сдавалась. Её голос дрожал от сдерживаемых эмоций:

"И почему она с нами?"

Тогда Даня остановился ровно на секунду, положил руку Стеше на плечо, лёгкое, почти невесомое прикосновение, которое, однако, прозвучало как тихий приказ: "Успокойся".

"Просто идёт"— сказал он спокойно, но в этой простоте чувствовалась сталь.

Стеша недовольно надула губы, но замолчала и в этом молчании было столько обиды, что мне вдруг стало не по себе, будто я невольно встала на чью-то невидимую, но очень важную границу.

Илья тихо фыркнул, пряча усмешку:

«Это будет интересно.»

«—Мне тоже интересно, зачем и куда мы идём», — хотела сказать я громко, уверенно, но слова застряли в горле, и вместо этого прозвучало что-то тихое, почти беззвучное, как выдох.

Даня остановился у парка, будто заранее знал, что именно здесь всё должно произойти.

"В парк. Поговорить" — произнёс он, и от этой простой фразы по спине пробежал холодок.

Он указал на скамейку под деревом, старую, потемневшую от дождей, с облупившейся краской:

"Сядь."

Кирилл и Илья развалились на траве рядом, лениво, будто ничего особенного не происходило, но в их позах сквозило напряжённое любопытство. Стеша села на краешек скамейки, скрестив руки так плотно, будто пыталась удержать себя от того, чтобы не вскочить и не убежать.

«—Ок», — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но он всё равно чуть дрогнул, выдавая волнение.

Даня сел напротив меня, откинувшись на спинку скамейки, и этот его жест, расслабленный, небрежный, только подчёркивал, кто здесь задаёт правила.

"Так что, ангелочек, готова объяснить своё поведение?" — его тон стал серьёзнее, глубже, в нём больше не было насмешки, только холодная, собранная требовательность.

Стеша нетерпеливо постукивала ногой по земле, и этот ритмичный, раздражённый стук словно отсчитывал секунды до чего-то неизбежного.

«—Какое?» — спросила я, хотя прекрасно знала, о чём речь, и сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Даня усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья, только острая, колючая ирония:

"Вчерашнее. Когда я ушёл, ты мне показала средний палец."

Он коротко кивнул на меня, будто передавая эту информацию как удар:

«Или ты думаешь, я забыл так быстро?"

«—Это когда ты меня поцеловал», — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать. Я хотела съязвить, спрятать за колкостью всё то, что на самом деле жгло изнутри: и вчерашний звонок, и то, как легко он ушёл, и то, что кто-то другой звонил на его телефон, а теперь сидел рядом, будто имел на это полное право.

Все замерли. Время будто растянулось, повисло в воздухе тяжёлой, звенящей паузой.

Стеша вскочила, лицо её залилось ярким, почти лихорадочным румянцем, а глаза расширились от потрясения:

"ЧТО?!"

Даня медленно повернул голову к ней, и в его взгляде мелькнуло что-то предупреждающее, холодное, как лезвие:

"Сядь."

Стеша упала обратно на скамейку, но её лицо оставалось красным от ярости, а пальцы впивались в собственные плечи, будто она пыталась сдержать себя, чтобы не сорваться.

Илья подавил смешок, но тут же замолчал, почувствовав, как воздух вокруг стал слишком тяжёлым для шуток.

Даня больше не смотрел ни на кого, кроме меня. Его взгляд был прямым, немигающим, будто он пытался прочесть в моих глазах то, что я не решалась произнести вслух.

"Ты не ответила" — напомнил он тихо, но от этого тихого голоса по коже пробежал мороз.

Кирилл и Илья обменялись быстрыми, настороженными взглядами, в которых читалось: «Мы не к этому готовились».

Кирилл нервно хмыкнул: "Братан, это жутко."

Даня резко махнул рукой, обрывая его:

"Заткнись."

«—Ах, милый мой, тут есть тот, кто тебя любит, а я пойду. Не хочу быть третьей лишней. Тебе не понравился мой палец? Может быть, ты его просто не разглядел. Так давай я тебе поближе покажу, что означает средний палец на руке», — слова вылетали из меня, как осколки, острые и безжалостные, и я сама не знала, защищаюсь я или нападаю, пытаюсь ли ранить его или просто отчаянно пытаюсь вернуть себе хоть каплю контроля над этой ситуацией, которая стремительно выходила из-под власти.

Стеша заплакала, прикрыв лицо руками, и плечи её мелко вздрагивали, будто каждое всхлипывание разрывало её изнутри:

"Даня, ты мой..."

Даня напрягся, будто в него вонзили что-то острое, но не пошевелился. Его голос прозвучал ровно, без капли смягчения, и от этой ровности становилось больнее, чем от крика:

"Я не твой."

Это было жёстко. Так жёстко, что даже воздух вокруг будто стал колючим.

Илья присвистнул, пытаясь разрядить напряжение, но вышло только хуже, звук резанул по нервам:

"Вырубил."

«—Я пойду. К чему ты устраиваешь спектакль?» — слова сорвались с языка сами, сухие, как опавшие листья, хотя внутри всё дрожало от обиды и страха.

Даня резко встал, преграждая мне путь, и в этом движении было столько силы, что я невольно отступила на полшага.

"Я не закончил" — отрезал он.

Стеша всхлипывала, и этот тихий, надломленный звук смешивался с шелестом ветра, делая сцену ещё более невыносимой. А у ворот парка уже начали собираться девочки из школы, кто-то хихикнул, кто-то прошептал, и эти обрывки слов, как осколки, впивались в кожу.

Кирилл бросил на него осторожный взгляд: «Брат, тут уже толпа.»

«—Ну тогда говори. Я слушаю», — я старалась звучать спокойно, но голос чуть дрогнул, выдавая, как сильно меня трясёт.

Даня наклонился к моему уху, будто хотел спрятать наш разговор от всех этих любопытных глаз, и его дыхание на мгновение обожгло кожу. Он говорил тихо, почти шёпотом, но в каждом слове звенела сталь:

"Ты раздражаешь меня. Но ещё больше раздражает Стеша. Выбирай: или объясняешь, или продолжаешь быть целью."

Он выпрямился, скрестив руки, и теперь говорил громче, чтобы слышали все:

"Что выбираешь, ангелочек?"

«—А что ты выбираешь? Сердце красоты или злость?» — вопрос вырвался сам, дерзкий и хрупкий одновременно, как будто я пыталась удержать равновесие на краю пропасти.

Даня усмехнулся снова и в этой усмешке было что-то опасное, как искра рядом с сухой травой.

"Я выбираю быть честным. Стеша не права, но ты тоже."

Он махнул рукой на девочек, которые подходили всё ближе, вытягивая шеи, чтобы ничего не пропустить:

"А теперь всем по домам. Шоу окончено."

«—Ариведерчи», — бросила я, стараясь вложить в это слово всю свою независимость, но получилось чуть хрипло, будто голос подвёл.

Стеша вскочила опять, словно пружина внутри неё не могла больше выдерживать напряжение, но Даня остановил её одним коротким жестом:

"Не рыдай. Иди домой."

Он повернулся ко мне напоследок и в его взгляде мелькнуло что-то новое, не раздражение, не злость, а какая-то тяжёлая, усталая решимость:

"Увидимся завтра. Не опаздывай."

Илья и Кирилл уже шли к выходу, потягиваясь, будто сбрасывали с себя этот тяжёлый момент, как тяжёлую куртку.

«—А если не приду в школу?» — спросила я, сама не зная, хочу ли я действительно не прийти или просто проверяю, насколько далеко он готов зайти.

Даня остановился на полушаге, и его лицо вдруг стало чужим, холодным, собранным, как перед дракой.

"Это угроза?" — голос стал холодным как лёд. "Потому что я могу и прийти к тебе домой."

«—Приходи», — ответила я и в этой короткой фразе прозвучало столько вызова, сколько я никогда в себе не подозревала.

Он усмехнулся в третий раз, теперь в этой усмешке была не угроза, а что-то похожее на уважение:

"Смело, ангелочек. Слишком смело."

Не оглядываясь, он направился к выходу:

"Спокойной ночи."

На следующее утро я пришла в школу рано, не потому, что хотела учиться, а потому, что боялась снова оказаться в центре этой бури. Я надеялась проскользнуть незаметно, спрятаться за учебниками, сделать вид, что меня здесь нет. Но Даня уже был в классе, сидел у окна с друзьями, и когда я вошла, он сразу заметил меня. Его губы медленно изогнулись в улыбке, не широкой, не доброй, а какой-то хищной, будто он знал что-то, чего не знала я.

Я улыбнулась в ответ и сама удивилась, как легко это получилось, будто улыбка была не моей, а чьей-то другой, более смелой.

Улыбка Дани стала шире, ещё хищнее, и он показал на пустой стул рядом с собой у окна:

«Садись»."

Это был приказ, но в тоне звучала странная интонация, не высокомерная, а будто он боялся, что я откажусь.

Я села, чувствуя, как все взгляды в классе скользят по мне, как холодные пальцы. Илья и Кирилл переглянулись, и в их взглядах читалось: «Ну вот, началось».

Илья хмыкнул, не скрывая любопытства:

"Огонь в глазах."

Даня проигнорировал комментарий, но наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах его куртки, смеси дождя, табака и чего-то ещё, только его:

"Стеша не придёт сегодня" — произнёс он тихо, почти доверительно.

«—Хоть мне и всё равно... Ну почему не придёт?» — я пыталась звучать равнодушно, но вопрос всё равно прозвучал слишком живо, слишком заинтересованно.

Даня повернул голову ко мне, изучая, будто пытался прочесть что-то важное в моих глазах:

"Я ей запретил."

Он наклонился ближе и его голос стал тише, но от этого звучал ещё веселее:

"И ты теперь моя ответственность."

«—Ты не отпускаешь её, поэтому она не теряет надежду. Ты не говоришь ей прямо, что между вами никогда ничего не будет», — слова вырвались сами, и я тут же пожалела о них, слишком резко, слишком больно.

Его челюсть напряглась, желваки заиграли и на секунду я испугалась, что зашла слишком далеко.

"Она привязана к несуществующему." — ответил он жёстко.

Он взял мою руку, не грубо, но крепко, так, что я не смогла бы выдернуть, даже если бы захотела.

"А ты... ты интереснее" — сказал он и в этих словах прозвучало не просто влечение, а признание, от которого внутри всё сжалось и тут же расправилось, как пружина.

«—Она привязана, потому что ты не отталкиваешь. Поэтому она не теряет надежду», — повторила я, будто пыталась достучаться до какой-то его спрятанной части.

Он сжал мою руку крепче, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, тяжёлое:

"Я не могу просто оттолкнуть девушку, которая была со мной три года."

Его глаза потемнели и голос стал ниже, будто каждое слово давалось ему тяжело:

"Но я могу показать ей, что другой интерес существует."

«—Ну покажи», — прошептала я, и это прозвучало как разрешение, как вызов, как признание того, что я тоже в этом участвую.

Он притянул меня к себе за руку, не обращая внимания на взгляды одноклассников, на шёпот, на то, как кто-то уронил ручку, и звук этот прозвучал в тишине как выстрел. Его губы почти касались моего уха и от этого по коже побежали мурашки:

"Смотри на меня, не на них."

«—Ммм...», — я не знала, что сказать, и просто кивнула, чувствуя, как мир сузился до одного человека.

Он провёл большим пальцем по моей ладони, медленно, будто изучал каждый штрих, каждую линию.

"Ты слушаешься хорошо" — в его голосе прозвучала не насмешка, а что-то похожее на нежность, которую он боялся назвать вслух.

Илья и Никита начали хихикать, но Даня даже не повернул головы — только коротко бросил:

"Заткнитесь."

В дверном проёме появилась Стеша. Она застыла, увидев нас вместе, и на мгновение показалось, что время остановилось: её лицо побелело, как мел, а потом по щеке медленно скатилась слеза, одна, одинокая, но такая заметная, будто она кричала громче любого крика.

Даня не отпустил мою руку. Специально. Он хотел, чтобы она увидела. Хотел, чтобы поняла.

Медленно, очень медленно он повернул голову к ней:

"Стеша. Поговорим после уроков."

Она не ответила, просто развернулась и выбежала, оставив за собой только эхо шагов и тишину, которая стала гуще.

Звонок прозвенел, и этот обычный звук прозвучал как сигнал к началу чего-то нового. Даня шепнул мне, не сводя с меня взгляда:

"После уроков жди меня у ворот."

Он наконец отпустил мою руку, но его взгляд остался на мне, будто приклеился.

«—Хорошо», — ответила я тихо.

Четыре урока пролетели как один, не потому, что было интересно, а потому, что время будто потеряло смысл. Сегодня наш класс А и Б были вместе, и я училась бок о бок с Даней. Наши классы редко бывали по отдельности, но сегодня каждая минута рядом ощущалась как испытание: все смотрели, шептались, кто-то показывал пальцем, кто-то улыбался криво, будто знал что-то, чего не знала я.

На перемене Никита подошёл ко мне, не с насмешкой, а с каким-то странным, почти сочувственным выражением:

"Ты влипла."

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было злорадства.

«—Почему?» — спросила я, хотя уже догадывалась.

Никита кивнул на Даню, который о чём-то говорил с Ильёй, но краем глаза явно следил за нами:

"Он никогда так не держал девушку за руку на виду и Стеша будет мстить."

«—Ну они же не вместе. И давно расстались ещё до меня», — попыталась я успокоить и себя, и его.

Никита пожал плечами, и в этом жесте было столько усталости, будто он видел такие истории слишком часто:

"Но она не понимает логики. Любовь слепа."

Звонок снова разрезал воздух.

"—Удачи, новенькая" — бросил Никита и ушёл, оставив меня одну с этим странным, колючим предчувствием.

Весь день прошёл в напряжении, оно висело в воздухе, как грозовые тучи перед ливнем. После последнего урока Даня встал, не дожидаясь звонка, будто боялся, что кто-то помешает:

"Пошли."

Он протянул мне рюкзак, не спрашивая, будто это было само собой, разумеющимся.

«—Пошли», — согласилась я и в этом коротком слове прозвучало больше, чем я хотела показать.

Возле ворот стояла Стеша. Она держала букет роз, алые, тяжёлые, с острыми шипами, но руки её тряслись так сильно, что лепестки осыпались на асфальт, как капли крови. Она собиралась подарить их Дане, это было видно по тому, как она сжимала стебли, будто пыталась удержать последнюю надежду.

Даня остановился, не доходя до неё метра два и в этой дистанции было столько смысла, что даже я почувствовала её тяжесть:

"Стеша. Нам нужно поговорить без свидетелей, без тебя."

Стеша посмотрела на меня с такой ненавистью, что на секунду мне стало страшно, не за себя, а за то, сколько боли может поместиться в одном взгляде.

"Эта шлюха стоит рядом с тобой?" — выкрикнула она, и голос её сорвался, превратившись в хриплый крик.

Даня нахмурился, и в его лице проступило что-то жёсткое, холодное:

"Хватит."

«—Я не шлюха и не собачка, как ты. И, в отличие от тебя, ни за кем не бегаю», — слова вылетели сами, резкие, как пощёчина, и я тут же пожалела о них, но было поздно.

Стеша всхлинула, и в этом всхлипе было столько отчаяния, что он прозвучал громче любого крика:

"Тогда почему он держит тебя за руку? Я думала, ты мне станешь подругой, а ты, дрянь?!"

Даня развернулся к ней полностью, закрывая меня своей тенью:

"Потому что я так хочу. И следи за своим языком."

Стеша уронила розы. Они рассыпались по асфальту, и алые лепестки смешались с серой пылью, как кровь с грязью.

"Три года... За три года ты ни разу не смотрел на меня так!" — выкрикнула она и выбежала на дорогу, к своей машине, будто пыталась убежать не от нас, а от самой себя.

«—Мне жаль даже её», — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой смеси жалости и вины.

Даня смотрел на уезжающую машину, и его челюсть была сжата так сильно, что казалось, зубы вот-вот треснут.

"Не жалея. Это её проблема" — отрезал он, но в голосе не было злости, только усталость.

Он повернулся ко мне, снова взяв мою руку, и пальцы его были тёплыми, почти горячими, как будто он пытался согреться:

"Теперь ты довольна!"

«—Да. Теперь она будет знать, что ты обрубил с ней все концы. Только поймёт ли она это?» — спросила я тихо, боясь нарушить эту хрупкую тишину.

Он усмехнулся горько, и в этой усмешке не было ни веселья, ни облегчения:

"Она знала давно. Просто не хотела видеть."

Пальцы сжались сильнее, будто он боялся, что я исчезну, если отпустит:

"А ты? Ты видишь?"

«—Вижу», — ответила я, не отводя взгляда.

Его глаза потемнели снова, но теперь по-другому, не от злости, а от чего-то более глубокого, более настоящего. Он шагнул ближе, заставляя меня запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза:

"И что видишь?"

«—Что я тебе не безразлична», — прошептала я, и эти слова прозвучали как признание, как ключ, который открывает дверь, за которой столько всего спрятано.

Он наклонился, и его дыхание коснулось моих губ, тёплое, неровное, как будто он тоже волновался:

"Не безразлична. И никогда не была."

Его свободная рука легла на талию, и этот жест был не просто собственническим, в нём было обещание: (Я тебя держу. Я не отпущу)

"Хотя я пытался" — добавил он тихо, и в этих словах было столько боли, что она отозвалась во мне эхом.

«—Ну так целуй, чего ждёшь?» — прошептала я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе за дерзостью.

Он не заставил себя ждать. Поцелуй был жёсткий, требовательный, полный подавленного желания, будто он слишком долго сдерживался и теперь не мог остановиться. Пальцы впились в талию, но я не чувствовала боли, только эту сумасшедшую, живую силу, которая связывала нас крепче любых слов.

"Наконец-то" — выдохнул он между поцелуями и в этом «наконец-то» прозвучало столько облегчения, что оно отозвалось во мне теплом.

«—Да», — прошептала я, прижимаясь ближе, будто хотела стать частью этого момента навсегда.

Он не отпускал меня, целуя снова и снова, и весь мир за пределами этих секунд перестал существовать.

"Ты моя теперь", — его голос стал низким и хриплым, и в нём звучало не требование, а обещание.

«—А ты мой», — ответила я и это прозвучало как клятва.

Он усмехнулся прямо в поцелуй:

"Согласен."

Его телефон завибрировал и этот резкий, неуместный звук ворвался в наш маленький мир, как чужой голос. Он достал его одной рукой, не прерывая поцелуй, и прочитал сообщение. Лицо его вдруг стало жёстким, как камень.

"Илья пишет" — пробормотал он и выругался сквозь зубы: "Стеша написала всем. Про нас."

Его челюсть снова напряглась и в глазах мелькнуло то самое холодное пламя, которое пугало и притягивало одновременно:

"Теперь вся школа знает."

«—И что? Для тебя это проблема? Какая разница, кто с кем встречается?» — спросила я, пытаюсь звучать спокойно, но внутри всё сжималось от страха перед тем, что начнётся дальше.

Он покачал головой, и в этом жесте было столько тяжести, что мне захотелось его обнять, просто чтобы снять хоть немного этого груза:

"Проблема не в этом. Проблема в том, что она не успокоится."

Он отпустил мою талию, но тут же взял за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза, будто хотел убедиться, что я понимаю:

"Она устроит цирк."

«—Ну, мы посмотрим этот цирк», — ответила я, стараясь вложить в эти слова всю свою храбрость, даже если она была наполовину придуманной.

Его глаза блеснули вызовом, и в них мелькнуло что-то похожее на гордость:

"Посмотрим. Но я не дам ей тебя тронуть."

Он поцеловал меня в щёку, коротко, но так, что этот поцелуй ощущался как щит.

"Пойдём внутрь. Представлю тебя остальным официально."

«—Пойдём», — согласилась я, чувствуя, как пальцы его сжимаются вокруг моих, крепко, уверенно, будто он действительно собирался меня защищать.

Хватка была крепкой, словно он боялся, что я исчезну, растворюсь в этом шуме, в этих взглядах, в этой школе, которая вдруг стала такой чужой и такой важной одновременно.

В коридоре Кирилл и Илья увидели нас и заулыбались, но улыбки их были не насмешливыми, а какими-то облегчёнными, будто они долго ждали этого момента.

Кирилл хлопнул в ладоши:

"Наконец-то!"

Илья подмигнул:

"Держал её долго, брат."

Даня бросил на него предупреждающий взгляд, короткий, как удар молнии:

"Заткнись."

Он притянул меня ближе к себе, проходя мимо друзей и этот жест говорил яснее любых слов:

"Она со мной. Не трогайте"

Прозвенел звонок и мы пошли на урок. Классная руководительница попыталась рассадить нас по разным партам, но Даня усадил меня именно рядом с собой, игнорируя протесты учителя.

Во время урока он водил кончиком ручки по моей ладони, медленно, будто вычерчивал не буквы, а невидимые границы, которые только ему было дано пересекать. Каждый штрих отдавался где-то под кожей, горячим, почти болезненным ощущением.

«—Это так мило...» — прошептала я, и голос прозвучал непривычно тихо, будто я боялась спугнуть этот странный, колющий момент.

Он нацарапал на коже «мой» — буквы вышли неровные, торопливые, как признание, которое он не решил произнести вслух. И улыбнулся лишь уголком губ, так, что в этой улыбке не было ни насмешки, ни игры, только упрямая, почти отчаянная уверенность.

На перемене Стеша действительно устроила сцену. Она ворвалась в класс, словно за ней гнался шторм: глаза красные, волосы растрепались, дыхание сбитое. Взгляд метнулся по рядам, зацепился за нас и в нём вспыхнуло что-то дикое, отчаянное.

"Это правда?! ТЫ С НИМ?!" — крик её ударил по ушам, резкий и горький, как разбитое стекло.

Я попыталась удержать голос ровным, хотя внутри всё дрожало:

«—Что за сцена... Ты давно не в отношениях с ним, чтобы так себя вести».

Стеша задыхнулась от возмущения, будто эти слова обожгли её:

"Я была с ним три года! А ты кто, чтоб так говорить?!"

Даня встал между нами, резко, будто рухнул барьер. Он закрыл меня своей спиной, и в этом движении было только инстинктивная, звериная защита.

"Она — моя. А ты — просто декорация. И в прошлом давно" — произнёс он спокойно, но в голосе звенела сталь, от которой у меня по спине пробежал холодок.

Я шагнула чуть вперёд, не прячась за его плечом, но чувствуя его тепло спиной:

«—Ты была просто другом. А я, его любимая девушка. Чувствуешь разницу?»

Стеша сжала кулаки так, что побелели костяшки, и в её взгляде мелькнуло что-то отчаянное, почти безумное:

"Я любила его! А он меня предал!"

Даня фыркнул, но в этом звуке не было веселья, только усталость и раздражение:

"Любовь? Это была привязанность. Не больше"

Он обернулся ко мне через плечо, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то уязвимое, будто он сам искал подтверждение :

"Она не знает, что такое настоящая любовь".

Я сжала пальцы, подбирая слова, чтобы не звучать жестоко, но и не лгать:

«—Это больная привязанность. Она сама себе всё напридумывала, а теперь думает, что её бросили.»

Стеша вскинула голову и в её голосе зазвенела ненависть:

"Я ненавижу тебя! Тебя, его, вас всех! Я прибую тебя, тварь, разлучница!"

Даня шагнул вперёд, заслоняя меня ещё плотнее, и голос его стал низким, пугающе спокойным:

"Только попробуй её тронуть — и я тебя живьём закопаю."

Илья тихо присвистнул:

"Даня, ты официально свихнулся."

Даня даже не повернул головы, только показал Илье средний палец, коротко и зло:

"Заткнись и иди в жопу."

В этот момент дверь класса распахнулась с резким, сухим звуком, будто кто-то разорвал тишину. Директор стоял на пороге, лицо серьёзное, взгляд тяжёлый.

"Даня, в кабинет. Немедленно", — голос его прозвучал как приговор.

Даня вздохнул, но не отпустил меня, будто боялся, что, если разомкнёт руки, весь этот хрупкий мир рассыплется:

"Можно с ней?"

Директор оглядел нас, задержал взгляд на нашей сцепленной руке, потом на моих дрожащих пальцах:

"Нужно вас троих ко мне в кабинет. Быстро. Устроили тут..."

Даня поднялся, не выпуская моей руки, будто она была якорем в шторме:

"Пошли, детка".

Он повёл меня к директорскому кабинету и каждый шаг отдавался в груди тяжёлым ритмом. Стеша прибежала впереди нас, я видела её силуэт у двери: плечи вздрагивали, лицо было красным от слёз и унижения.

В кабинете повисло напряжение, густое, почти осязаемое. Стеша смотрела на нас с такой злобой, будто хотела прожечь дыру в пространстве между нами. Директор сидел за столом, перед ним лежала папка, но он не открывал её, просто смотрел, выжидая, пока буря уляжется.

"Садитесь. Объясните ситуацию" — сказал он ровно, но в этой ровности чувствовалась усталость взрослого человека, которому надоело разгребать чужие эмоции.

Даня усадил меня на стул рядом с собой и притянул к себе, будто хотел спрятать от всех взглядов:

"Стеша думает, что я её бросил. А я говорю: она не моя девушка и никогда не была. Мы просто дружили".

Стеша всхлипнула и этот звук был таким беспомощным, что даже мне стало не по себе:

"Мы целовались! Были вместе три года!"

Даня посмотрел на неё холодно, без злости, скорее с каким-то усталым непониманием:

"Целовались, потому что я разрешал. И за эти три года... это даже сложно назвать отношениями. То, что было между нами, — точно не отношения".

Директор чуть наклонил голову, будто взвешивая слова:

"Даня прав, Стеша. Вы были просто близкими друзьями".

Стеша ударила ладонью по столу и звук отозвался в тишине, как выстрел:

"Но я любила его! И сейчас люблю!"

Даня нахмурился и в его взгляде мелькнуло раздражение пополам с неловкостью:

"Ты не любишь. Ты привыкла к моему вниманию".

Директор повернулся ко мне, и я почувствовала, как вся кровь приливает к щекам:

"А вы как оказались в центре всего этого?"

Даня крепче сжал моё бедро, не больно, но так, чтобы я знала: он рядом.

"Моя девушка. И только МОЯ".— произнёс он твёрдо, и в этом «моя» звучало не собственничество, а обещание защитить.

Стеша ахнула, будто ей не хватало воздуха:

"Даня, это же шутка! Ты не можешь серьёзно...»

Он перебил её, не повышая голоса, но так, что каждое слово падало, как камень:

"Я абсолютно серьёзно. И мне надоело, что ты не понимаешь".

Директор вздохнул, провёл ладонью по лицу, будто пытаясь стереть усталость:

"Хватит. Стеша, успокойся. Даня, будь добрее".

Стеша встала и в её движениях была какая-то отчаянная, угловатая решимость:

"Я не успокоюсь! Я покажу всем правду!"

Она выбежала, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

Я опустила голову, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости и вины, хотя и не знала, за что именно:

«—Я не понимаю её... Почему у неё нет гордости? Мне не нравится находиться во всём этом дурдоме».

Даня повернул моё лицо к себе, заставляя посмотреть ему в глаза. В них не было насмешки только спокойная уверенность:

"Не обращай внимания на неё. Она просто не может принять реальность".

Директор махнул рукой, словно сдаваясь:

"Вы свободны. Но следите за языком. И Стеше передайте — это её тоже касается".

Даня поднялся, забрав меня с собой, как будто я была частью его равновесия:

"Пойдём отсюда. Покажу тебе школу нормально"

«—Хорошо», — ответила я тихо, и сама удивилась, насколько спокойно прозвучал мой голос среди всего этого хауса.

Он повёл меня по коридорам и любопытные взгляды скользили по нам, как холодные пальцы, но Даня шёл уверенно, будто весь этот шум был просто фоном.

"Так, это столовая. Там мы едим. А это — спортзал. Ну, ты и так это уже знаешь. Иногда мы тут тусуемся." — говорил он, и в его голосе было что-то почти домашнее, будто он хотел вернуть мне ощущение нормальности.

Он остановился у лестницы, и в его глазах мелькнуло что-то личное, почти тайное:

«А это — моё секретное место. Покажу после уроков".

Снизу послышался голос Стеши ,резкий, звенящий, как натянутая струна:

"Ребята! Даня встречается с новой девчонкой! И она его совратила!"

Я закатила глаза, чувствуя, как раздражение смешивается с усталостью:

«—Что за смешное слово — "совратила"? Он что, маленький ребёнок? Кто в этот бред поверит?»

Даня усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья ,скорее горькое понимание:

"Верно. Никто не поверит".

Из-за угла выглянули Кирилл и Илья, переглянулись, будто оценивая обстановку. Кирилл шагнул вперёд:

"Даня, Стеша разносит слухи, как чуму. Что делать?"

Даня схватил меня за талию, притянул к себе так, что между нами не осталось ни миллиметра воздуха, и голос его прозвучал твёрдо:

"Давай просто покажем ей, что она не имеет значения".

Он направился к лестнице, где Стеша стояла с телефоном, вытянув руку, как оружие. Её глаза горели азартом и болью одновременно. Когда она заметила нас, губы растянулись в широкой, почти безумной улыбке:

"Смотрите! Вот они!"

Она подняла телефон, экран светился, как мишень:

"Все увидят, как он тебя лапает!"

Даня прижал меня к стене рядом с ней, блокируя камеру своей широкой спиной, и голос его прозвучал низко, без крика, но так, что у Стеши дрогнула рука:

"Хватит, Стеша. Удали это".

Я скрестила руки, чувствуя, как злость накатывает горячей волной:

«—Пусть смотрит и завидует. Что за детский сад? Здесь, в этой школе, встречаются тоже, а не только мы».

Стеша закусил губу, и в её глазах мелькнула тень сомнения, но тут же сменилась яростью:

"Я разобью тебе лицо, и на тебя больше никто не посмотрит!"

Даня усмехнулся её тону, но в этой усмешке не было насмешки, скорее холодная усталость:

(громко) "Ты — ревнивая тварь. И я буду повторять сколько надо: свали отсюда по-хорошему. А то я тебе сам всё устрою, если тронешь её хоть пальцем".

Стеша всхлипнула, и её лицо исказилось от унижения:

"Ты... ты меня унижаешь при всех!"

Кирилл покачал головой, в его голосе прозвучала непривычная мягкость:

"Ты сама себя унижаешь, Стеш. Оставь их в покое".

Я вздохнула, стараясь не смотреть на неё, но чувствуя её боль, как сквозняк:

«—Прекрати этот детский сад. Вроде взрослая, а ведёшь себя, как будто игрушку отняли».

Стеша всхлипнула громче, голос сорвался:

"Я не... я не маленькая!"

Даня отпустил меня и сделал шаг к ней, наклонившись так, что их лица оказались на одном уровне. В его взгляде было злости, только холодная твёрдость:

"Тогда води себя соответственно. Или проваливай".

Илья поддержал его, голос звучал ровно:

"Да, Стеш. Ты выглядишь жалко".

Стеша обвела нас взглядом, полным боли и ненависти, задержалась на мне, будто хотела выжечь эту секунду в памяти:

"Это всё твоя вина! Ты разбила мне сердце!"

Она выбежала, на этот раз молча, и тишина после её ухода показалась оглушающей.

Даня вернулся ко мне и в его движениях появилась какая-то новая мягкость, будто он сбрасывал броню:

"Наконец-то. Теперь спокойно покажу тебе остальное".

Кирилл и Илья облегчённо выдохнули, будто с их плеч свалился тяжёлый груз.

«—Пойдём», — сказала я и сама удивилась, как спокойно прозвучали эти слова среди всего этого хаоса.

Даня взял меня за руку, не крепко, но уверенно, так, будто знал: я не выдерну пальцы:

"Так, где мы остановились... Ах да, секретное место. На крышу, только с другой стороны теперь".

Он повёл меня на крышу школы через запасной выход и каждый шаг по бетонным ступеням отдавался эхом, как будто само здание прислушивалось к нам.

На крыше пахло дождём и свободой. Ветер трепал волосы, а город внизу мерцал огнями, будто пытался рассказать какую-то древнюю историю. Здесь действительно никто не бывал, кроме них четверых. Скамейка, несколько коробок с сигаретами и этот вид, от которого захватывало дух.

Даня обвёл рукой пространство, будто дарил мне целый мир:

«Вот оно. Наш уголок. Можешь курить здесь, если хочешь. И пить».

Он указал на коробки и в голосе мелькнула привычная небрежность:

«Мои личные запасы»"

Он сел на скамейку и потянул меня к себе на колени, так естественно, будто мы делали это тысячу раз:

«Теперь расскажи про себя нормально. Без Стешиных истерик».

Я покачала головой, чувствуя, как слова застревают в горле от этой близости:

«—Я же просила при мне не курить. И буду рада, если ты не будешь»

Даня замер на секунду, потом медленно убрал сигарету обратно в карман, и в этом жесте было что-то неожиданно трогательное:

"Ладно. Ради тебя. Но ты странная — девушка хулигана не должна быть против табака".

Он провёл пальцем по моей щеке, и от этого прикосновения у меня перехватило дыхание:

"Но мне нравится твоя странность. Так что говори".

Я закусила губу, собираясь с мыслями:

«—Ну, я же не курю. Разве было бы приятно поцеловать курящую девушку?»

Даня усмехнулся и наклонился ближе, так что я чувствовала его дыхание на своей коже:

"Хороший аргумент. Значит, не буду".

Он коснулся губами моего виска, лёгко, почти невесомо, как обещание:

"Так что насчёт истории? И почему перешла в нашу школу?"

Я выдохнула, и слова полились сами собой, будто плотина рухнула:

«—Я училась в другом городе. Мама развелась с отцом и нашла другую любовь. Я решила остаться с отцом. Мы сним и бабушкой переехали в этот город. Вот поэтому я пошла в эту школу. Всё проще простого».

Даня слушал внимательно, не перебивая, его пальцы играли с прядями моих волос, будто пытались запомнить их текстуру.

"Понятно. Тяжело,наверно."

Он замолчал на мгновение и в этой короткой паузе воздух будто сгустился, стал тяжелее. Его взгляд скользнул по моему лицу, будто он пытался прочесть в нём что-то, спрятанное глубже слов.

«И как тебе первые дни учёбы? Кроме Стешы, конечно...» — произнёс он тихо, почти осторожно, будто боялся спугнуть ответ.

Я чуть запнулась, подбирая слова, и вдруг поняла, что врать не хочется совсем.

«—Хоть я и скучаю по друзьям со старой школы... но здесь мне больше нравится. Потому что тут ты.» — прошептала я, чувствуя, как щёки заливают жар, а сердце колотится где-то у самого горла.

Даня ухмыльнулся шире, но в этой ухмылке теперь было что-то другое, не дерзость, а тихое, почти уязвимое удовлетворение, будто он сам не верил, что может кому-то так быстро стать важен.

"Мне тоже нравится", — сказал он чуть хриловато. "Хотя я не думал, что понравлюсь кому-то так быстро."

Он прижал меня крепче и я почувствовала, как его дыхание на миг замерло, будто он сам прислушивался к тому, как ровно или неровно бьётся моё сердце.

"Знаешь, у тебя очень красивое имя... Миланочка". — выдохнул он, и в этом «Миланочка» прозвучало что-то почти нежное, непривычное для его голоса.

Я слотнула, собираясь с духом, и выпалила, пока не растеряла смелость:

«—Ну, когда я тебя увидела в первый раз, ты мне очень понравился. Хоть ты и был дерзкий... Я решила всё равно остаться собой и не бояться никого.»

Даня рассмеялся и этот смех пошёл вибрацией прямо сквозь его грудь, сквозь ткань куртки, до самой меня.

"Смелая", — протянул он, качая головой: "Мне это и в первый раз понравилось."

Он провёл носом по моей шее и у меня на секунду остановилось дыхание. Внизу слышались шаги. Они приближались, тяжёлые, нарочито громкие, будто кто-то специально хотел разрушить ту хрупкую тишину, что повисла между нами. Дверь на крышу распахнулась.

Это были Кирилл и Илья, с бутылками в руках и с выражениями лиц, в которых смешались удивление, веселье и что-то ещё, почти хищное. Они застыли, увидев нас. Илья тихо присвистнул, Кирилл ухмыльнулся, будто всё шло именно так, как он и задумывал.

"Ого, уже забрал её на крышу?" — протянул Илья, приподняв бровь.

Даня не отпускал меня ни на сантиметр.

"Что вам надо? Видите же, занят", — отрезал он, но в голосе не было злости, скорее предупреждение: не лезьте.

Кирилл поднял бутылку, как щит.

"Только показать новую бутылку. И познакомиться с ней нормально."

Даня слегка напрягся, будто каждое их слово царапало его изнутри, но всё же кивнул.

"Хорошо. Но недолго."

Он позволил им подойти, но руку с моей талии не убрал, наоборот, чуть крепче притянул к себе, словно очерчивая невидимую границу: сюда ближе не подходить.

Илья шагнул вперёд, чуть мягче, чем обычно.

"Привет, давай заново, нормально знакомиться, Милана. Я Илья, это Кирилл."

«—Очень приятно» — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

Кирилл хмыкнул:

"А мы думали, Даня тебя сожрёт сразу."

Илья улыбнулся дружелюбно, по-своему искренне. Кирилл шутливо поклонился, но в этом поклоне мелькнуло что-то оценивающее, будто он проверял, как яотреагирую.

"Ты правда не боишься хулиганов?" — спросил Илья, чуть склонив голову.

Даня едва заметно сжал пальцы на моей талии, будто хотел удержать, защитить, а может, просто напомнить, что я здесь с ним.

Кирилл прищурился:

"И что, совсем ничего не знаешь о нас?"

Я подняла подбородок, чувствуя, как внутри просыпается та самая смелость, о которой говорила.

«—Нет, не боюсь. Просто в прошлой школе не было хулиганов, и мы все были дружные. Поэтому я никого не боюсь. Для меня хулиганы, такие же люди. Но я и сама смелая. За себя постоять смогу.»

Оба парня переглянулись, в их взглядах мелькнуло удивление, смешанное с чем-то вроде уважения.

"Вау, это... свежо", — медленно произнёс Илья.

Кирилл усмехнулся, но уже без насмешки:

"Странно. Но мне нравится."

Даня гордо усмехнулся, будто эти слова были его маленькой победой.

"Вот поэтому она моя", — бросил он спокойно, но так, что это прозвучало как утверждение, которое не стоит оспаривать.

Илья достал бутылку и протянул её, будто предлагая не просто напиток, а какой-то странный, негласный союз.

"Хочешь выпить с нами, Мил?"

Даня нахмурился, едва уловимо, но я заметила, как у него дёрнулась челюсть, когда Илья назвал меня «Мил».

"Кто разрешил тебе так её называть?" — голос Дани звучал ровно, но в нём звенела сталь. Илья вскинул руки, будто сдаваясь.

"Даня, расслабься. Это просто имя."

Кирилл хихикнул:

"Ревнуешь уже?"

Бутылка повисла в воздухе между нами, словно пауза, которую нужно было чем-то заполнить.

«—Давай, за знакомства... и, надеюсь, за дружбу», — тихо сказала я, сама удивляясь, как легко эти слова сорвались с языка.

Илья радостно улыбнулся и разлил по стаканам.

"За новых друзей!" — провозгласил он, поднимая стакан.

Они чокнулись со мной. Даня наблюдал за этим сквозь полуприкрытые веки, спокойно, но внимательно, как хищник, который не теряет бдительности даже в кругу своих.

Кирилл хитро прищурился:

"И за то, что Мил переживёт в нашей школе."

Даня фыркнул, коротко, резко:

"Она не просто переживёт. Она станет нашей."

Илья кивнул, и его улыбка стала чуть хитрее, будто он знал что-то, чего не знала я.

"Особенно если будет на нашей стороне."

Кирилл наклонился чуть вперёд, в его взгляде мелькнул азарт.

"Тест пройдёт завтра. Будешь участвовать?"

Даня наклонился к моему уху, и его голос прозвучал только для меня, низкий, тёплый, но с ноткой предупреждения:

"Отвечай честно, хочешь ли ты этого?"

«— Какой тест?» — спросила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Даня усмехнулся, не зло, но как-то отстранённо, будто уже знал, что я всё равно соглашусь.

"Скажем так, это проверка лояльности к нам... и к тебе самой."

Илья добавил, не сводя с меня глаз:

"Кому ты будешь верна — нам или остальным?"

Кирилл покрутил стакан, будто взвешивая слова:

"И что тебе придётся сделать."

«— И что же мне придётся сделать? »— повторила я, и голос мой прозвучал чуть тише, чем хотелось бы.

Трое парней обменялись взглядами, короткими, почти безмолвными, будто говорили друг с другом без слов.

Даня наконец ответил:

"Завтра узнаешь. Но главное ,приходи на стадион после уроков."

Илья допил свой стакан и поставил его.

"И не опаздывай."

Кирилл встал, потянулся, будто сбрасывая напряжение.

"А теперь пошли, Даня. Нам нужно обсудить кое-что."

Они двинулись к выходу, оставив меня одну или почти одну. Я всё ещё чувствовала тепло Даниной руки на своей талии, даже когда он убрал её.

«— Хорошо», — тихо сказала я. «— Но вредить никому я не буду.»

Даня остановился у двери, не оборачиваясь, но будто чувствуя каждый мой вдох.

"Это не вредить, Мил. Это просто... выбор."

Илья бросил через плечо, и в его голосе прозвучала странная, почти торжественная нотка:

"Выбор, который покажет твоё сердце."

Кирилл подмигнул, но на этот раз в этом подмигивании не было веселья ,только холодная уверенность:

"Или твою слабость."

Они скрылись внизу, и тишина на крыше стала оглушительной. Я осталась одна и только ветер шевелил волосы, будто пытаясь что-то шепнуть мне на ухо.

На следующий день школа гудела ,шёпот, взгляды, переглядывания, обрывки фраз, которые обрывались, стоило мне подойти ближе. На перемене ко мне подошла одноклассница ,та, с которой мы почти не разговаривали, но сейчас в её глазах было искреннее беспокойство.

"Милан, ты серьёзно идёшь? "— прошептала она, схватив меня за руку. — "Мы хоть и не общаемся, но я должна тебе рассказать... Может, звучит и странно, но... если ты придёшь, ты будешь в шоке от этой новости."

Её пальцы сжимали мою руку так крепко, будто она пыталась удержать меня от чего-то.

«— А что там будет? »— спросила я, хотя уже чувствовала, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

Она понизила голос до шёпота и в нём дрожала настоящая тревога:

"Говорят, какой-то парень из другой школы придёт. И Даня хочет, чтобы ты... поцеловала его."

Она сжала мою руку ещё крепче, будто пыталась передать мне свою силу.

"Это же безумие! Ты не должна."

У меня внутри всё оборвалось.

«— Поцеловать... при Дане... другого парня? »— переспросила я, будто если произнесу это вслух, всё окажется просто дурным сном.

Она кивнула, и в её глазах мелькнуло отчаяние:

"Да."

4 «Поцелуй по принуждению.»

Одноклассница кивнула и в этом движении было столько отчаяния, что у меня внутри всё сжалось. Её пальцы впились в мою руку, будто она пыталась удержать меня не только словами, но и этим прикосновением.

"Даня проверяет, насколько ты предана ему. Но это унижительно и опасно!" — прошептала она, и голос её дрожал, срываясь на хрипотцу.

В коридоре слышались шаги ,тяжёлые, уверенные, от которых по коже бежали мурашки. Они приближались и с каждым ударом подошвы по полу воздух становился гуще, тяжелее, будто сам коридор сжимался вокруг меня.

"Он ревнивый до безумия", — выдохнула одноклассница, не сводя с меня расширенных глаз. "А этот парень может быть очень злым..."

«— Что за бред», — попыталась я сказать твёрдо, но слово прозвучало жалко, дрогнув на первом слоге.

Шаги замерли прямо у поворота. И через секунду показался Даня ,плечи напряжены, взгляд острый, как лезвие.

"Эй, оставь нас" — бросил он, даже не глядя на неё, будто её присутствие было досадным пустяком, который нужно смахнуть.

Она посмотрела на меня ,в её глазах читалась мольба: «Не оставайся с ним» ,и , посмотрела и ушла, оставляя меня одну под этим тяжёлым, прожигающим взглядом.

Даня шагнул ближе, и пространство вокруг будто сузилось до одной точки ,до него.

"Ты готова?" — спросил он, и в голосе не было ни тепла, ни сочувствия ,только холодная сталь.

Его взгляд был пронзительным, жёстким, будто он хотел вывернуть меня наизнанку и увидеть всё, что я прячу.

«— Ты специально так говоришь?» — прошептала я, чувствуя, как внутри всё дрожит, но стараясь не показать этого.

Он шагнул ещё ближе, полностью загородив собой выход, отрезая любой путь к отступлению.

"Не специально. Это реальность". — отрезал он.

Его рука легла на стену рядом с моим лицом ,так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло, смешанное с напряжением, которое вибрировало в нём, как натянутая струна.

"Или ты боишься? Боишься показать, что настоящая?" — произнёс он чуть тише, но от этого слова стали только острее.

«— Я ничего не боюсь», — выговорила я, выпрямляясь, хотя колени предательски подрагивали.

Уголки его губ дёрнулись ,не в улыбке, а в какой-то горькой, искажённой усмешке.

"Тогда докажи. После уроков на стадионе. Не опоздай."

Он отстранился, но не ушёл ,завис на грани, будто проверяя, не дрогну ли я.

"И помни", — добавил холодно, и от этого холода по спине пробежал ледяной озноб: "Это не просто поцелуй. Это испытание на преданность."

«— Тебе нравится смотреть, как твоя девушка целует другого? »— слова вырвались сами, обжигая язык своей прямоотой.

Его глаза потемнели ,опасно, глубоко, как грозовое небо перед бурей.

"Не нравится. Но если ты не сделаешь, ты не моя. И тогда ты ничего для меня не значишь", — произнёс он ровно, будто эти слова не резали его самого.

Он развернулся и ушёл, оставив меня одну с этими словами, тяжёлыми, как камни, упавшие на грудь.

Часы в коридоре показывали ровно три. Тиканье казалось оглушительным, будто отсчитывало последние секунды чего-то важного.

Стадион был пустым, безжизненным, если не считать группы парней в центре, Дания, Илья, Кирилл и незнакомый парень, стоявший чуть в стороне, с ленивой, самоуверенной ухмылкой.

Дания первым заметил меня.

"Она здесь", — бросил он коротко, и все взгляды тут же скрестились на мне.

Незнакомый парень обернулся, скользнул по мне оценивающим взглядом ,так, будто я была не человеком, а предметом, который нужно проверить на прочность.

«— Всем привет», — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Парень ухмыльнулся шире, нарочито расслабленно.

"Привет, красотка. Дания сказал, что ты хочешь поцеловать меня?"

Дания стоял неподвижно, лицо ,каменное, руки сжаты в кулаки так, что побелели костяшки.

И тут всё встало на свои места.

"Это Макс. Мой кузен", — процедил Дания, будто само слово «кузен» было ему неприятно.

Макс шагнул ко мне, всё с той же улыбкой, в которой было слишком много вызова.

"Слышал, ты тоже новенькая. И что-то вроде теста проходишь?"

Он протянул руку для рукопожатия. Я, сама не зная зачем, протянула свою. Макс не пожал её ,он поднёс к губам и поцеловал, нарочно медленно, будто хотел растянуть момент.

"Приятно познакомиться, Милана", — протянул он, не сводя с меня глаз.

Илья фыркнул сзади:

"Дания, она согласилась?"

Дания молчал. Его взгляд не отрывался от наших рук ,будто он пытался сжечь Макса одним этим взглядом.

«— Но целовать я тебя не буду», — сказала я резко, сбрасывая напряжение, которое стягивало грудь тугой пружиной.

Макс приподнял бровь, в глазах мелькнул интерес ,уже не насмешливый, а настоящий.

"Почему? Стыдно?"

Дания наконец заговорил, и голос его был низким, опасным, будто из самой глубины груди:

"Она должна. Иначе..."

Он не договорил, но намёк повис в воздухе, тяжёлый и горький, как дым.

«— Не знаю, какие здесь правила», — я повернулась к Дане, глядя прямо в его потемневшие глаза :«— Но в другой школе, где я училась, да и в жизни так: если есть парень, то ты не можешь ему изменить, и он тебе. А если тут подкладывают под другого, то зачем такие отношения мне?»

Макс рассмеялся, коротко, но без веселья, и посмотрел на Даню:

"Вот видишь, родственничек? Она понимает суть."

Даня сжал челюсть так, что на ней заиграли желваки.

"Здесь другие правила. Здесь я решаю."

Кирилл скрестил руки, в его взгляде мелькнуло раздражение:

"Даня, хватит. Она права."

«— Ну, решай, но без меня», — бросила я, делая шаг назад, пытаюсь вернуть себе хоть немного пространства.

Даня шагнул ко мне ,быстро, резко, блокируя путь, не давая уйти.

"Ты моя. И будешь делать то, что я скажу."

Макс качнул головой:

"Бро, давишь слишком сильно."

Илья и Никита переглянулись ,в их взглядах читалось напряжение, почти страх.

«— Ты можешь меня поцеловать», — голос мой дрогнул, но я заставила себя смотреть на Даню прямо.

«— Ты же всем сказал, что ты мой парень. Теперь хочешь, чтобы я поцеловала другого?»

Даня схватил мой подбородок, заставляя смотреть на него. Его пальцы были твёрдыми, почти жёсткими, но не причиняли боли ,скорее, удерживали, как будто боялись, что я исчезну.

"Это не просто поцелуй", — прошептал он, и глаза его горели ,яростью, болью, чем-то ещё, что я не могла разобрать. "Это доказательство. Докажи, что не бросишь меня. Что я для тебя важнее."

«— Ты вообще слышишь себя? »— голос сорвался на шёпот, но в нём была вся боль, которую я пыталась спрятать.

«—То есть я при своём парне должна целовать другого? Ты толкаешь меня на измену, и для тебя это норма?»

Его пальцы впились чуть сильнее, не больно, но ощутимо, как напоминание, что он здесь, что он держит.

"Не заводит. Хочу увидеть, как ты пройдёшь этот тест. Если пройдёшь — значит, любишь по-настоящему. Если нет... ", — он опустил голос до шёпота, и от этих слов по коже пробежал холод:

"...то ты лгунья."

Макс присвистнул, но в этот раз в его свисте не было насмешки ,только усталое недоумение.

"Боже, какой театр."

«— Какой драматический театр.»— выдохнула я, чувствуя, как глаза щиплет от сдерживаемых слёз, но не позволяя им пролиться.

«— Первый раз такое вижу: чтобы в отношениях нужно было изменить, и эта измена читалась как любовь. Вроде же всегда наоборот: если целуешь другого, спишь с другим, а у тебя всё наоборот.»

Даня отпустил мой подбородок, но не отступил, остался стоять так близко, что я чувствовала его дыхание.

"Ты не понимаешь. Это не просто театр. Это власть"—произнёс он глухо, будто каждое слово давалось ему с трудом.

Никита наконец подал голос, и в нём звучала тревога:

"Даня, ты перегибаешь палку с этим. Она не игрушка."

Даня метнул на него злой взгляд:

"Заткнись. Это не твоё дело."

«— Если ты хочешь, чтобы я целовалась с другим, тогда для начала нам нужно с тобой расстаться», — слова прозвучали тихо, но чётко, как последний рубеж.

Даня застыл. Его глаза расширились, в них мелькнули удивление и ярость, смешанные с чем-то, похожим на боль.

"Что? Ты мне ультиматумы ставишь?"

Илья шагнул вперёд, будто пытаясь встать между нами:

"Спокойно, бро. Не надо."

Макс наблюдал за этой сценой с напряжённым интересом, как за чем-то неизбежным.

«— Так как в отношениях я не изменяю», — повторила я, и голос мой звучал твёрже, чем я чувствовала себя внутри.

Даня усмехнулся горько, без тени веселья.

"Тогда разрывай. Раз такая правильная."

Он махнул рукой, небрежно, но в этом жесте было столько горечи, что она резанула по сердцу.

"Иди целуй Макса. Я посмотрю."

В его голосе сквозили вызов и что-то похожее на боль, будто он сам не знал, чего хочет: чтобы я ушла или чтобы осталась.

«— Только я к тебе потом не вернусь, если поцелую его», — прошептала я, глядя ему прямо в глаза, чтобы он видел, я не шучу.

Его челюсть напряглась, желваки заиграли, но он не отвёл взгляд.

"Не вернёшься, значит, так оно и должно быть", — ответил он ровно, но в этой ровности чувствовалась трещина, которая вот-вот разойдётся.

Макс снова присвистнул, на этот раз с каким-то странным восхищением.

"Вот это настоящий мужик."

Даня смотрел на меня, выжидая, будто надеялся, что я дрогну, что скажу: «(Ладно, я сделаю это ради тебя)». Но я молчала.

«—Ещё раз повторяюсь», — голос мой стал твёрдым, как стал: «— Я не буду ни с кем целоваться. Я не шлюха, чтобы бегать от одного к другому. И если я в отношениях, то я верная. Жаль, что для тебя это ничего не значит. Жаль, ты меня разочаровал.»

Лицо Дани потемнело от этих слов, будто они ударили его сильнее, чем любой кулак.

"Разочаровал? Ты меня разочаровала своей принципиальностью", — процедил он, и в этих словах была не злость, а какая-то глубокая, горькая обида.

Он отвернулся, но не ушёл, замер, будто не мог заставить себя сделать этот шаг.

"Иди. Стеша тебя ждёт", — бросил он с иронией, которая резала острее ножа.

«— Это ты иди к своей Стеше, с которой ты никак не определишься», — слова вырвались раньше, чем я успела их удержать.

Даня резко обернулся, и в его глазах мелькнула боль, настоящая, не прикрытая злостью.

«Ты моя», — прошептал он, будто цепляясь за эти слова, как за последнюю опору.

Макс засмеялся, но смех получился натянутым.

"Братишка, а ты уверен?"

Даня прожёл кузена взглядом, но тот только пожал плечами, не скрывая иронии.

«— Я больше ничья. Ни с кем целоваться не собираюсь, пока», — произнесла я, и это «пока» прозвучало как «навсегда».

Даня схватил меня за запястье, жёстко, но не больно. Его хватка была крепкой, почти отчаянной.

"Пока? Значит, будешь", — процедил он.

"Ты моя, даже если сбежишь" — добавил он, и в этих словах было столько собственничества, что они душили.

Он толкнул меня в сторону выхода из школы, не грубо, но решительно, будто хотел вытолкнуть из своей жизни одним движением.

"Проваливай. И не показывайся мне на глаза."

"— Да пошёл ты, — прошептала я, и слёзы наконец прорвались, но я смахнула их, не позволяя ему увидеть эту слабость.

Даня отпустил меня с такой силой, что я пошатнулась.

"Пошла ты! И запомни — ты сама выбрала", — рявкнул он и эти слова ударили по сердцу, как камень.

Он резко развернулся к друзьям, но больше не смотрел в мою сторону, будто, если посмотрит, сломается.

Илья и Никита качали головами, в их взглядах читалась усталость и что-то похожее на стыд.

Макс подмигнул мне, не насмешливо, а с какой-то странной, почти сочувственной иронией.

«— Странный у тебя фетиш: смотреть, как твою девушку целует другой. Смешно, но я пас», — бросил я, пытаясь спрятать дрожь в голосе.

Макс подошёл ко мне, понизив голос:

"Не смешно, если серьёзно. Он реально долбанутый на этот счёт."

Он оглянулся на Даню, который стоял к нам спиной, будто отгородился от всего мира.

"Только не говори ему, что я тебе рассказал."

«— Это не нормально если ты с кем-то встречаешься, но неужели ты бы отпустил свою девушку целоваться с другим? »— спросила я, чувствуя, что мне нужно услышать хоть одно нормальное, человеческое «нет».

Макс почесал затылок, и на мгновение маска насмешливости сползла с его лица.

"Я бы не отпустил. Но Даня... он особенный. У него какая-то травма с этим."

Он понизил голос почти до шёпота:

"Его бывшая ему так сделала. Поэтому он так к этому относится. Плюс детская травма ,когда мать погибла... Он до сих пор не может поверить, что кто-то останется с ним просто так.»

«— Жаль», — прошептала я. «— Раз думает, что все такие. Я прогибаться под кого-то не буду. Для меня это измена и предательство. Жаль, что для него это норма.»

Макс кивнул, и в его взгляде было уважение ,тихое, без пафоса.

"Понимаю. Ты права. Он просто застрял в прошлом."

Где-то в стороне Даня говорил по телефону ,голос раздражённый, резкий, будто он пытался пробить стену, которая его душила.

Макс покосился в его сторону:

"Но будь осторожна. Он может ещё что-то выкинуть."

«— Хорошо. Мне кажется, теперь меня сложно будет удивить», — ответила я, и в этих словах прозвучала не бравада, а горькая правда.

Макс усмехнулся, но улыбка вышла грустной.

"Удачи в школе. И избегай его компанию пока."

Он кивнул в сторону друзей Дани, которые теперь собрались у входа, будто ждали чего-то.

"Особенно Стешу."

«— Я с ней не общаюсь», — пожала плечами я.

Макс хмыкнул:

"Умно. Она его глаза и уши. И его собачка."

Он посмотрел на часы, будто пытаясь зацепиться за что-то обычное, нормальное.

"Ладно, мне надо идти. Сейчас занятия начнутся."

Он уже пошёл прочь, но вдруг обернулся, и лицо его стало серьёзным, без всякой насмешки.

"Если что — зови. Я не такой мудак."

«— Стеша в него влюблена сильно. Пусть он с ней будет, а с меня хватит»— прошептала я, чувствуя, как тяжесть, которую я носила весь день, понемногу оседает.

Макс остановился, будто эти слова что-то для него значили.

"Слишком сильно. До болезненности", — произнёс он тихо.: "Она сделает всё, чтобы он обратил на неё внимание. Даже если это значит причинить боль тебе."

«— Спасибо, поняла тебя», — кивнула я.

"Держись. И не давай ей поводов тебя доставать", — бросил он напоследок и ушёл, растворяясь среди других учеников.

Прозвенел звонок ,резкий, требовательный, будто подводил черту под всем, что только что произошло. Ученики потянулись по классам, как муравьи, спешащие в укрытие.

Я направилась в свой класс, чувствуя на себе невидимые взгляды ,холодные, любопытные, оценивающие.

В коридоре Стеша прошла мимо с подружками, бросив на меня ледяной, острый взгляд, от которого по коже пробежал озноб.

В классе я села в последний ряд ,идеальное место для наблюдения за всем помещением. Но я не хотела наблюдать. Я хотела исчезнуть.

Стеша села впереди, рядом с Даней и от этой картины у меня внутри что-то сжалось, но я заставила себя не смотреть.

Я встала, взяла сумку и вышла из класса. Ноги сами несли меня к кабинету директора.

«— Я хочу перевести документы в другую школу», — сказала я, глядя прямо перед собой, чтобы не видеть удивления в его глазах.

Директор посмотрел на меня с искренним недоумением ,будто я попросила перевести меня на другую планету.

"Так скоро? Но ты же только пришла."

Он проверил список учеников, водя пальцем по строчкам, будто цеплялся за любую возможность не поднимать глаза.

"Куда хочешь перевестись? " — спросил он ровно, но в голосе скользнула тень усталости, будто уже догадывался: тут ничего не удержать.

«— В соседнюю школу», — ответила я тихо и собственный голос показался чужим ,слишком ровным, будто я боялась, что, если дрогну, всё рухнет окончательно.

Директор вздохнул ,не раздражённо, а как человек, который слишком много раз видел, как дети прячут настоящие причины за сухими словами.

"Хорошо. Но объясни причину. У нас что-то не так?"

Его взгляд стал пронзительным, будто хотел добраться до того, что я старательно записывала вглубь, чтобы не рассыпаться прямо здесь.

«— Это семейное... Вы ни при чём»,— сказала я, глядя на край его стола, на стопку папок, на чернильное пятно на бумаге ,куда угодно, только не в глаза.

Он кивнул, и в этом кивке было столько «я не верю», что мне стало стыдно ,не за ложь, а за то, что не могу сказать правду.

"Понимаю. Заполню бумаги. Завтра документы будут готовы для перевода. "

Он начал водить ручкой по форме, будто эти строчки могли как-то всё исправить. "И удачи там."

«— Спасибо»— прошептала я, и это «спасибо» вышло пустым, как эхо в пустой комнате.

На следующий день я вернулась в школу, чтобы забрать документы. Директор ждал меня у двери, держа папку так, словно она была тяжелее, чем казалась.

"Вот. Всё готово. Передай родителям". — Он протянул её, и на секунду задержал, будто хотел что-то добавить, но не нашёл слов. Потом странно улыбнулся ,не радостно, а так, будто пытался подбодрить и сам не верил, что это поможет.

"Надеюсь, там будет лучше."

«— Спасибо большое», — повторила я, сжимая папку, чувствуя, как картон врезается в пальцы. Хотелось вцепиться в неё, чтобы не дрожали руки.

Выходя из кабинета, я увидела Стешу, она стояла у поворота, прислонившись к стене, и явно подслушивала. Её поза была небрежной, но глаза метались, выискивая малейшую трещину в моём спокойствии.

Она догнала меня у двери, преградив путь, и в её смехе звенела та самая издёвка, от которой внутри всё сжималось.

"Куда-то убегаешь? Сбегаешь от проблем?"

«— Я перевелась в другую школу», — сказала я ровно, хотя внутри всё кричало. Стеша рассмеялась, и этот смех ударил по нервам, как царапина по стеклу.

"От нас? Или от Дани? Боишься его?" — Она прислонилась к стене, будто хотела казаться расслабленной, но пальцы вцепились в край плитки.

«— Для меня странно, когда встречаются и предлагают свою девушку другому. Если для тебя это норма, то будьте с ним счастливы.»

Стеша нахмурилась, её лицо на мгновение исказилось, будто кто-то дёрнул за невидимую нитку.

"Он не такой. Ты просто не знаешь его" — Она сжала кулаки, костяшки побелели. "И я не дам тебе всё испортить. Он мой."

«— Прощай. Надеюсь, наши пути никогда не пересекутся», — сказала я и слово «прощай» обожгло язык, как что-то горькое и неизбежное.

Стеша схватила меня за руку, крепко, до лёгкой боли, будто хотела удержать не меня, а саму реальность, которая ускользала.

"Подожди. Скажи мне, что ты ему наговорила?" — Её глаза горели ревностью и подозрением, в них не было места ни сочувствию, ни пониманию, только страх потерять то, что она считала своим.

«— Пока» — повторила я и мягко, но твёрдо высвободила руку.

Она отпустила, но не сдалась, в её шепоте сквозила угроза, холодная и липкая, как тень в углу.

"Я слежу за тобой. И за ним."

Я пошла к выходу, чувствуя её взгляд между лопаток, тяжёлый, как камень. Каждый шаг отдавался в груди тупой болью, не от злости, а от того, что приходится уходить, оставляя позади всё, к чему успела привыкнуть, всё, что когда-то казалось важным. Я больше тут не учусь. Это слово крутилось в голове, как приговор. Больно уходить. Больно, что всё рассыпалось. Но я стискивала зубы, сдерживая слёзы: их никто не должен увидеть. Пусть думают, что мне всё равно.

На улице меня ждал Макс, он стоял у ворот, засунув руки в карманы, и смотрел на школу так, будто видел в ней что-то, чего раньше не замечал.

"Уезжаешь уже? Так быстро?"

«— Да, я перевелась в соседнюю школу», — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но в нём всё равно проскальзывала эта глухая усталость.

Макс присвистнул, но без насмешки, скорее с тем странным уважением, которое появляется, когда видишь, что человек прошёл через что-то тяжёлое.

«Серьёзно? Бежишь от проблем? " — Он оглянулся на здание, будто искал в окнах чей-то силуэт : "Даня будет в бешенстве."

«— Это не мои проблемы уже. Я больше тут не учусь. Мои документы уже в другой школе. Он сам виноват ,когда предлагал мне ,свою девушку другому... Теперь мы бывшие»

Макс покачал головой и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление.

«Мне правда жаль. Я узнал, что это Стеша его накрутила и предложила такой тест, а этот дурак повёлся. " — Он понизил голос, будто стены школы могли услышать : "Она его любит. Она ревнивая до жути, и её не останавливает даже то, что он её отталкивает. А он... он сам её полностью не отпускает."

Он вздохнул, и этот вздох был таким взрослым, будто он вдруг стал старше на несколько лет.

"Ладно, удачи там. Пиши, как устроишься. " — Макс протянул руку для прощального рукопожатия ,не как формальность, а как знак того, что он всё понимает и не осуждает.

«— Прощай»— сказала я, вкладывая в это слово всё: и благодарность, и прощание с этой школой, и попытку отпустить то, что уже не вернуть.

Рукопожатие было крепким, надёжным, таким, после которого хоть немного, но становится легче.

"Не попадайся больше в неприятности"— улыбнулся он напоследок и отошёл, оставив меня одну перед воротами, перед автобусом, перед новой дорогой.

Я села в автобус, чувствуя, как он вздрагивает, трогаясь с места. Оглянувшись ,Стеша стояла у окна на втором этаже, смотрела, как я уезжаю. Её силуэт был чётким на фоне серого неба, и в этот момент она казалась не просто соперницей, а частью того мира, который я оставляла позади. Навсегда.

В автобусе я достала телефон, и экран вспыхнул, как маленькая молния в полумраке салона. Первое сообщение — от незнакомого номера.

"Где ты?"

Я замерла, пальцы похолодели, будто кто-то провёл по ним льдом.

«—Это кто?»

Ответ пришёл сразу, без паузы, будто он держал телефон в руке и ждал только этого момента.

"Даня. Ты перевелась?"

Странно, что он уже знает. Как будто мир сжимается до нескольких человек, и все они связаны невидимыми нитями, которые никак не разорвать.

«-Я не хочу участвовать в этом дурдоме. Ты предложил меня другому ,я против таких отношений».

"Я не предлагал. Стеша всё придумала, и моя ошибка, что я пошёл у неё на поводу", — написал он с явным раздражением, будто злился не на меня, а на себя, на неё, на всю эту нелепую ситуацию: "Теперь она думает, что ты за мной бегаешь".

Его слова резанули по сердцу ,не потому, что были злыми, а потому, что в них была правда, которую я не хотела слышать: я всё ещё любила его, даже когда пыталась ненавидеть.

«—Ты при всех сказал, чтобы я прошла тест и заставил целовать другого. Я отказалась. Между нами всё кончено. Прощай».

Даня молчал несколько секунд — эти секунды тянулись, как вечность и в этой тишине слышалось всё: его растерянность, злость, попытка подобрать слова, которые уже ничего не исправят.

"Я был зол. Идиот. Но это не значит, что ты должна сбегать".

Каждое его слово било по старым ранам, заставляя их снова болеть. Его сообщение резало болью по сердцу, но я уже всё решила, решение было выстроено из осколков гордости, обиды и простого желания остаться целой.

"Стеша не отстанет теперь от меня", — добавил он, и весь его тон изменился, стал тише, будто он наконец увидел, во что ввязался. : "Боже, ты правда переехала?"

«—Да», — ответила я коротко, отрезая любые попытки вернуть всё назад.

Он прислал адрес, незнакомый, явно не школьный, будто хотел вытащить меня из этого автобуса, из этой новой жизни, обратно в ту реальность, где всё было запутано и больно.

"Приезжай сюда. Нам надо поговорить. Напиши, как доберёшься. Я хочу всё объяснить нормально".

Я смотрела на адрес, и пальцы чесались нажать «ответить», сказать «хорошо», просто чтобы ещё раз услышать его голос, убедиться, что он настоящий. Но я сжала телефон крепче, заставляя себя не поддаваться этому порыву.

«—Нет. Ты сказал, чтобы я должна была пройти ваш тест. И при всех предложил мне поцеловать новенького. Я не стала этого делать, и ты стал угрожать. Если ты привык, что при тебе бывшие целовались с кем-то, то для меня это не норма».

Он отправил фото — его лицо было красным, напряжённым, будто он сжимал телефон так сильно, что экран мог треснуть.

"Я мудака. Я знаю. Но Стеша меня запугивает. Когда она в таком состоянии, я переживаю за тебя, поэтому я пошёл у неё на поводу. Она угрожала разбить тебе нос".

«—Пусть только рискнёт», — написала я, и в этих словах была не бравада, а чистая, острая злость, не на него, а на всю эту ситуацию, которая заставляла меня защищаться там, где я просто хотела быть в безопасности.

"Она боксёр. Она ходит на тренировки, это её хобби, и она психопатка. Не шути так. Ты не знаешь её, как я". — ответил он, и в этом «ты не знаешь её» слышалось что-то вроде оправдания, будто он пытался объяснить, почему оказался в этой ловушке.

«—Да плевать на неё. Но суть остаётся в том, что ты заставлял меня целовать при тебе другого».

"Я облажался. Хватит об этом. Просто скажи, где ты сейчас", — он резко сменил тему, будто не мог больше выносить этот разговор, но и не хотел его заканчивать.

"Я виноват. Я идиот. Довольна?" — в этом сообщении было столько горечи, что оно почти обжигало.

«—Прощай. Надеюсь, наши пути больше никогда не пересекутся», — написала я, чувствуя, как внутри что-то обрывается, как тонкая нить, которую слишком долго натягивали.

Он прочитал, маленькая галочка вспыхнула, подтверждая, что слова дошли до него, ударили, оставили след. Но он не ответил больше. Точка в диалоге легла между нами, как стена — холодная, твёрдая, непреодолимая.

Точка в диалоге.

5 «Новая школа-старые проблемы.»

Автобус остановился у новой школы через полчаса. Скрип тормозов прозвучал в груди как финальный аккорд прежней жизни, будто сама реальность подводила черту под всем, что было «до».

Здание было меньше старой школы, но чище и от этой аккуратной, чужой опрятности становилось только горче: здесь не пахло воспоминаниями, здесь всё было чужим. Школьники смотрели на меня с любопытством, как на экспонат в витрине. Каждый взгляд царапал, и я старалась не поднимать глаз, будто если не встречу ничьих взглядов, то смогу остаться невидимой.

Я пошла к администрации, чтобы записаться и занести недостающие документы, те самые, что директор отправил отдельно, словно хотел поскорее избавиться от меня. В кабинете сидела женщина средних лет, её улыбка была слишком ровной, слишком правильной, будто отрепетированной для всех новеньких.

Администратор: "Добро пожаловать! Документы принесли?"

Её голос звучал так спокойно, будто не было никакого кошмара, который я тащила за собой, как тяжёлый мокрый плащ.

«—Здравствуйте, да», — ответила я, и собственный голос показался чужим, тонким, ломким.

Администратор: "Замечательно. Идите в 11 класс, кабинет 114".

Она протянула расписание и ключ от шкафчика: "Ваш шкафчик номер 307, код на обратной стороне ключа".

«—Хорошо, спасибо», — прошептала я, сжимая ключ так, что металлическая грань врезалась в ладонь. Это ощущение боли было почти спасительным, оно доказывало, что я ещё здесь, что всё это происходит на самом деле.

Женщина кивнула и вернулась к бумагам и в этом будничном жесте было столько равнодушия, что на секунду мне стало по-настоящему страшно: а вдруг никто и не заметит, если я просто исчезну?

В коридоре гудели голоса, сливаясь в один сплошной, чужой шум. Я шла, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения. Нашла кабинет сразу. Дверь была приоткрыта, слышались смех и разговоры, лёгкие, беззаботные, такие, какие бывают у людей, у которых нет за спиной тянущегося хвоста из обид и предательств.

Внутри уже собралась половина класса. Преподавательница заметила меня на пороге.

Преподавательница: "А, вот и наша новенькая! Заходи, знакомься со всеми".

Все обернулись. В этом синхронном движении было что-то пугающее, как будто стая птиц, разом взмывшая в небо. Я почувствовала себя мишенью.

«—Здравствуйте, меня зовут Милана, я перевелась к вам из соседней школы, теперь я буду учиться с вами», — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Но в груди всё равно что-то трепетало, как раненая птица.

Преподавательница: "Здравствуй. Садись за последнюю парту у окна".

Она указала на пустое место рядом с темноволосым парнем. Он посмотрел на меня с интересом, но в этом взгляде не было угрозы, только любопытство, почти доброе.

Парень: "Привет".

Он отодвинул свой рюкзак, освобождая место и этот простой жест вдруг согрел что-то внутри, как случайный лучик солнца в пасмурный день.

«—Спасибо», — выдохнула я, чувствуя, как напряжение чуть-чуть отпускает.

Парень улыбнулся: "Не за что. Как тебя зовут?"

Он говорил тихо, чтобы учительница не слышала и в этой осторожности было столько человечности, что к горлу подкатил комок.

«—Милана».

Парень: "Красивое имя. Откуда переехала?"

Он достал тетрадь и карандаш, создавая видимость обычного разговора, и я вдруг поняла, как сильно мне хочется, чтобы это и правда было просто знакомство, без подтекстов и драм.

«—С соседней школы».

Парень: " Понятно. Там как?"

Он наклонился ближе и на секунду я позволила себе поверить, что всё может быть нормально.

В этот момент дверь распахнулась, и вошли трое — Даня, Илья и Никита.

«—Да ладно, что эти тут делают?» — вырвалось у меня шёпотом, и внутри всё оборвалось.

Даня замер на секунду, увидев меня. Его челюсть напряглась и в этом резком, жёстком движении было столько злости, что меня обожгло обидой ,ведь когда-то этот взгляд был другим, тёплым, а теперь в нём не осталось ничего, кроме холода.

Илья и Никита подмигнули мне, и эти лёгкие жесты только усилили ощущение абсурда: будто они играли в какую-то жестокую игру, где я была главной фигурой.

Паша заметил их реакцию и нахмурился.

Паша (шёпотом): «Что-то неладно между вами?"

«—Они... что, тоже перевелись сюда из той школы, вслед за мной? Я в шоке», — призналась я, и голос предательски дрогнул.

Паша: "Все вместе? Это странно".

Он наблюдал за хулиганами, которые медленно двигались к своим местам, и в его взгляде читалось желание защитить, даже если он сам ещё не понимал, от чего.

Даня сел на вторую парту рядом с нами у окна, Илья — за ним, Никита — рядом с ним. Даня сверлил меня взглядом, и этот взгляд прожигал насквозь, возвращая ту самую боль, которую я так старательно пыталась спрятать.

«—Вы прикалываетесь, зачем вы перевелись за мной в эту школу?» — не выдержала я, и в голосе прорвалась обида, горькая и тяжёлая.

Даня услышал и резко повернул голову (громко): "А может, мы просто хотели сменить обстановку?"

Его голос был полон сарказма и эта насмешка ударила сильнее любого крика.

Преподавательница предупреждающе посмотрела на него, но в её взгляде не было настоящей силы ,она просто хотела тишины, а не справедливости.

«—А если я сменю город, вы и туда за мной попрётесь?"— бросила я,и в этих словах была вся моя усталость, вся горечь от того, что даже попытка сбежать не давала свободы.

Даня усмехнулся злобно: «Посмотрим на твои попытки».

Илья фыркнул: "Беги, пока можешь".

Никита молчал, но его глаза блестели вызовом, и от этого молчания становилось ещё страшнее.

«—Бесишь», — прошептала я, чувствуя, как в груди поднимается волна гнева, смешанного с болью.

Даня: "Обнимаю".

Он откинулся на спинку стула, раздражающе расслабленный и эта показная небрежность ранила больше любых угроз.

Паша тихо сказал: "Они реально тебя преследуют?"

«—Да, мы учились вместе в другой школе. Эти... дебилы перевелись вслед за мной», — призналась я, и впервые за день позволила себе быть слабой ,просто рассказать правду тому, кто, кажется, был готов её услышать.

Паша: "Это уже stalking на уровне".

Он покачал головой: "Ты что-то им сделала?"

Урок начался, но атмосфера накалилась до предела и каждое слово звучало громче, чем нужно.

«—Я встречалась с одним из них, пока он не предложил пройти тест. И, представляешь, хотел, чтобы я поцеловала другого у него на глазах. Я отказалась и рассталась с ним. Зачем мне такой парень?» — выпалила я, и с каждым словом будто снимала с себя тяжёлый груз, но вместе с тем обнажала и свою уязвимость.

Паша присвистнул (шёпотом, шокированно): "Он тебя шантажировал?"

Даня внезапно сжал ручку так, что она хрустнула, и этот резкий звук прозвучал как выстрел в тишине.

«—Он меня бесит», — повторила я, но в глубине души знала, что бесит не только он, бесит вся эта ситуация, в которой я снова и снова должна оправдываться за то, что просто хочу быть собой.

Паша кивнул на Данину спину: "Понятно, почему он такой злой".

"Он что-то тебе сделал?" — спросил Паша, и в его голосе было столько искреннего беспокойства, что на секунду захотелось просто уткнуться ему в плечо и сказать: «Да, всё, я больше не могу».

Но я лишь покачала головой, пряча эту слабость.

«—Это его друзья», — ответила я, указывая на Илью и Никиту, и в этом простом объяснении была вся суть: они держались вместе, как стая, и против этой стаи одной быть было невыносимо тяжело.

Паша: "Тогда тройная угроза".

Он нарисовал стрелочку в тетради и написал «бывший» около стрелки, и этот детский, почти наивный жест вдруг сделал ситуацию чуть менее страшной, будто если обозначить проблему, она станет меньше.

«—Хвостики, нет, как пиявки за мной пришли», — пробормотала я, и горькая усмешка сама собой появилась на губах.

Паша засмеялся приглушённо: «Прямое преследование».

В этот момент Даня резко обернулся и бросил ядовитый взгляд на Пашу, и в этом взгляде было столько собственничества, что меня передёрнуло: он всё ещё считал, что имеет право решать, с кем мне можно разговаривать.

«—Отвернись, Даня, чтобы я тебя не видела», — не выдержала я, и злость прорвалась сквозь все барьеры.

Даня: "Заставь меня".

Он специально не отворачивался, ухмыляясь, и в этой ухмылке было столько вызова, что хотелось кричать от бессилия.

«—Не беси», — процедила я сквозь зубы.

Даня: "Бешу, потому что ты скучала?"

Илья и Никита захихикали, и их смех звучал как издевательство, как подтверждение того, что я здесь чужая, что я проиграла ещё до начала игры.

Паша: «Держись, первый день».

«—Дебилы», — буркнула я, но даже эта грубость не могла скрыть того, как сильно дрожали внутри все нервы.

Даня достал телефон и написал что-то в чате. Через минуту Паша увидел, как Илья достал свой телефон и ухмыльнулся ещё шире.

Паша: "Они обсуждают тебя".

«—Да пошли они», — отмахнулась я, но внутри всё сжималось от обиды и страха: что они пишут? Что придумывают?

Паша заметил, как Даня показал Илье большой палец вверх, и этот простой, но такой унижительный жест ударил по самолюбию.

Урок тянулся мучительно медленно, каждая минута растягивалась в вечность, и я чувствовала себя загнанной в ловушку, из которой не было выхода.

«—Привык, что за ним бегали девушки, а я не повелась на это и бросила его», — призналась я Паше, и в этих словах прозвучала не гордость, а усталость, усталость от того, что пришлось быть сильной, когда хотелось просто быть слабой и любимой.

Паша: «Это его это ударило по голове.»

Он начал делать какую-то таблицу в тетради, будто пытался структурировать хаос, и в этом было столько трогательной заботы, что на глаза навернулись слёзы, но я быстро сморгнула их, не позволяя себе плакать здесь, при всех.

Звонок прозвенел, словно спасательный сигнал, вырывая меня из этого кошмара хотя бы на несколько минут.

Даня и его компания вышли первыми, явно специально, чтобы ещё раз напомнить, что они здесь, что они следят, что они контролируют.

«—Да пошли они», — повторила я, но голос звучал уже не так уверенно.

Паша: "Я понял, драма".

Он собрал вещи: "Пошли перекусим?"

За дверью послышался смех и голос Никиты: "Смотри, там Стеша, я так и знал, что она за тобой, Даня, вслед переведётся!"

«—Ещё этой дуры, только тут не хватало. Пошли кушать», — процедила я, чувствуя, как внутри закипает отчаяние: казалось, что весь этот кошмар специально собрали вокруг меня, чтобы проверить, сколько я смогу выдержать.

В столовой Паша купил нам сэндвичи, и мы сели за угловой столик, в самом тихом месте, где можно было хотя бы на пять минут почувствовать себя в безопасности.

Он сказал тихо: "Осторожно, они здесь".

Из другого угла столовой действительно виднелись три головы, и от этого простого факта хотелось просто встать и уйти, сбежать, спрятаться.

«—Пусть, меня это больше не касается», — попыталась я сказать твёрдо, но в голосе прозвучала только усталость.

Паша: "Надеюсь, они поймут намёк".

Он откусил кусок сэндвича, наблюдая за хулиганами, и в его взгляде была решимость защищать, даже если он сам не знал, от чего именно.

Даня что-то говорил Илье, указывая на наш столик. Илья кивнул, а потом подмигнул мне через всю столовую, и я закатила глаза, пытаюсь показать равнодушие, которого не чувствовала.

Паша: "Им скучно".

Даня закатил глаза в ответ на этот жест, и в этом обмене взглядами было столько напряжения, что воздух, казалось, звенел.

Паша заметил, как Илья достал блокнот и начал рисовать что-то, и это простое действие вдруг показалось зловещим: что он рисует? Меня? Карикатуру? План?

Он отпил из стаканчика: "Поэтому надо быть осторожнее с ними".

Стеша подбежала к столику, где сидела троица, и радостно объявила, что теперь тоже учится здесь. Потом, повернувшись к нам, пошла в нашу сторону, и с каждым её шагом внутри всё сжималось всё сильнее.

Паша: "Привет, Стеша. Милана, познакомься, это моя кузина Стеша".

Стеша улыбнулась: «Я теперь буду учиться с вами, мне тут больше нравится, чем в прошлой школе».

Даня нахмурился сильнее, и в этом его взгляде было столько ревности и злости, что мне стало не по себе: казалось, он готов был обвинить в чём угодно даже Пашу, только бы сохранить контроль над ситуацией.

«—Паша, это твоя кузина? Мне прям везёт», — пробормотала я, и в этих словах не было ни капли иронии, только горькая правда.

Паша кивнул головой.

Стеша достала шоколадку: "Хочешь?"

Она предложила её мне, и в этом жесте было столько фальшивой доброты, что захотелось просто оттолкнуть её и закричать: («Перестань притворяться!»)

«—Отвали», — вырвалось у меня, и я тут же пожалела об этом, но было уже поздно.

Стеша: "Ой, как грубо".

Она убрала шоколадку и язвительно улыбнулась, и в этой улыбке было столько обиды, смешанной с злостью, что я вдруг почувствовала себя монстром, хотя всего лишь хотела, чтобы меня оставили в покое.

Паша: "Стеша, я, конечно, рад тебя видеть, но, я так понимаю, вы знакомы, и тебе, видно, тут не рады, поэтому иди, не крутись рядом".

Стеша показала Паше средний палец, и этот грубый жест вдруг снял напряжение, он был настолько нелепым, что даже захотелось рассмеяться, если бы не было так горько.

«—В одно место себе, Стеша, его засунь», — добавила я, и сама удивилась своей жестокости.

Паша: "Давайте без скандалов".

Стеша засмеялась: "Я же пошутила!"

Паша вздохнул и в этом вздохе было столько усталости, что я поняла: он тоже не хотел этой драмы, он просто пытался быть нормальным в ненормальной ситуации.

Звонок.

«—Вот дурдом. Мне, наверное, обратно стоит перевестись в другую школу. Или опять за мной перейдут», — прошептала я, и в этих словах прозвучала вся моя беспомощность.

Паша: "Не переживай, я слежу"

Он встал, заслоняя меня от всего этого хаоса и на секунду стало спокойнее, не потому что опасность исчезла, а потому что рядом был кто-то, кто не хотел меня ранить.

Стеша: "Пока, солнышко!"

Она помахала мне, и в этом нарочито весёлом жесте было столько желания уколоть, что я лишь крепче сжала кулаки.

Даня прошёл мимо нас с ребятами, и Стеша рассмеялась громче: "Ого, уже освоились тут ребята. Вы на урок? Я с вами!"

Паша усмехнулся: "Это называется прилипала. Она мне родственница, конечно, но я её недолюбливаю".

«—Я от них ушла в другую школу, а они перешли за мной. Я как будто в страшном сне снова», — призналась я, и голос дрогнул, выдавая ту самую боль, которую я так старалась спрятать.

Он прищурился: "Эти придурки не отстанут. Пошли на урок".

В коридоре кто-то толкнул меня сзади.

Илья: "Смотри, куда идёшь".

Никита рядом с ним ухмыльнулся, и эта ухмылка была как пощёчина.

«—Широкий, что ли», — бросила я, пытаясь сохранить хоть каплю достоинства.

Илья: "Шире тебя".

Он загородил весь проход, и в этот момент я почувствовала себя загнанной в угол, словно весь мир сговорился, чтобы не дать мне дышать свободно.

Никита: "Даня сказал приглядывать за тобой".

Паша появился за моей спиной и его присутствие было как щит, хоть и хрупкий.

«—Объясни мне: я перевелась в другую школу. Зачем, ну зачем вы решили перевестись вслед за мной?» — спросила я и в голосе прозвучала не злость, а настоящая, глубокая обида — обида человека, который просто хотел начать всё заново.

Илья: "Потому что мы свободные люди и делаем что хотим".

Никита: "И потому что Даня ревнивый".

Паша схватил Илью за плечо: "Хватит".

Илья не двигался, но и не отходил и эта неподвижность была самой страшной, она означала, что они не собирались сдаваться.

«—Даня ревнивый, да мне плевать. Мы с ним расстались, мы больше не вместе», — повторила я, словно пыталась убедить не только их, но и саму себя.

Илья: "Он тебя не отпустит".

Никита добавил, и в его голосе скользнула не насмешка, а настоящая тревога: "Он всё ещё думает, что ты его собственность".

Паша напрягся и я тоже, словно воздух вокруг стал колючим, тяжёлым, его было больно вдыхать.

Илья, будто пытаясь сгладить углы, бросил небрежно: "Это был обычный ритуал".

Никита закатил глаза: "Даня был зол".

Илья фыркнул, но в этом звуке не было уверенности, скорее, попытка скрыть неловкость.

Паша выдохнул: "Пошли".

Он потянул меня за руку и я не стала ничего отвечать им, просто повернулась и ушла с Пашей, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды и странного, горького тепла оттого, что хоть кто-то готов меня увести отсюда.

Даня ждал у класса, скрестив руки на груди. Его поза казалась нарочито спокойной, но в сжатых пальцах, в жёсткой линии плеч читалась натянутая пружина.

«—Это моя новая школа, возвращайтесь в свою старую», — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал от напряжения.

Даня качнул головой: "Нет".

Он усмехнулся холодно и от этой усмешки у меня по спине пробежал неприятный холодок: "Теперь ты моя проблема".

Паша встал передо мной, закрывая собой, как щит: «—Мы расстались».

Даня даже не посмотрел на него, будто Паши здесь и не было: "Расстались, но ты не избавилась от меня".

Он шагнул ближе и пространство между нами сжалось до опасной черты: "Я повсюду найду тебя".

Паша напрягся ещё сильнее, пальцы сжались в кулаки: "Она не твоя игрушка".

«—А не надо было меня терять, ты заставлял меня поцеловать другого», — слова вырвались сами собой, обжигая горло, как что-то острое, невысказанное слишком долго.

Даня будто не услышал: "Я хотел проверить твою верность".

Его глаза потемнели, став почти чёрными: "И ты провалила".

Паша сжал кулаки: "Она имеет право сама выбирать".

«—Верность заключается в том, чтобы я при тебе поцеловала другого?» — спросила я, и в этом вопросе было не столько возмущение, сколько боль от того, как легко он перечёркивал всё, что для меня было важным.

Даня проигнорировал Пашу, глядя только на меня: "Ты должна была подчиниться. Всегда".

Никита и Илья наблюдали с интересом, будто перед ними разворачивалось не чужое горе, а какой-то спектакль и это делало происходящее ещё унижительнее.

Даня протянул руку к моему лицу, и я отмахнулась, резко, почти испуганно, потому что боялась, что если он коснётся меня, я не смогу оттолкнуть его так же решительно.

«—Я тебе не вещь, чтобы подчиняться! Я тебе говорила: я другая, я не похожа на твоих бывших. И если я встречаюсь и люблю, то только одного, и другие мне не нужны», — в этих словах звучала не только злость, но и отчаянная надежда, что он наконец услышит.

Даня замер, его пальцы дрогнули, будто он сам испугался того, что собирался сделать.

«Одного любишь? И это не я?» — его голос стал опасным шёпотом, в котором слышалась не только угроза, но и боль, которую он не хотел показывать.

Паша шагнул вперёд: "Она имеет право сама выбирать".

Даня резко развернулся к Паше и в этом движении было столько ярости, что даже воздух, казалось, дрогнул: "Заткнись".

«—У тебя с головой непорядок», — я уже не пыталась сдерживать обиду, она прорывалась наружу вместе со словами, острыми и безжалостными.

Даня стиснул зубы: "Я хотел, чтобы ты показала, что я единственный!"

Он схватил меня за запястье и от этого прикосновения по коже пробежал не трепет, а страх, холодный и липкий: "А ты сбежала".

Паша попытался оттащить его: "Отпусти её."

«—Я и показала —отказом целоваться с другим», — мой голос дрожал, но я старалась говорить чётко, чтобы каждое слово попало точно в цель.

"Но ты показала слабость!" — Даня притянул меня ближе и в его глазах мелькнуло что-то отчаянное, будто он сам не понимал, что делает, но остановиться уже не мог.

"Ты дала мне повод сомневаться", — добавил он, и в этих словах прозвучала не сила, а уязвимость, которую он прятал за грубостью.

Паша ударил его по руке: "Она не слабая, и отпусти её!"

«—Если для тебя верность — это слабость, тогда вали в свою старую школу и отвали от меня», — сказала я, и в этот момент мне хотелось, чтобы эти слова стали стеной между нами, крепкой и непробиваемой.

Даня отпустил меня, но его взгляд остался жёстким, как лезвие: "Я буду наблюдать за тобой здесь".

«—Да пошёл ты», — выдохнула я, и в этой грубости была вся моя усталость от этой бесконечной борьбы.

Даня чуть приподнял бровь, будто оценивая, как далеко я готова зайти: "Смотри, как разговаривать стала".

Он ухмыльнулся, но в этой ухмылке не было веселья: "Интересно, как долго ты продержишься".

Паша встал между нами окончательно, словно очерчивая границу, которую Даня больше не имел права пересекать: "Если что — я рядом".

«—Я тебе говорила, я никогда и ни за кем бегать не буду. Разберись в своей голове, у тебя проблемы с понятием верности», — произнесла я и каждое слово отдавалось внутри глухой болью, потому что где-то в глубине души мне всё ещё было не всё равно, что он думает и чувствует.

Даня прищурился: "Мои проблемы — это твоя проблема теперь тоже".

Он оглядел меня с ног до головы и в этом взгляде было не восхищение, а какая-то упрямая решимость: "И я их решу".

Прозвенел звонок на урок, резкий и требовательный, будто ставил точку в этом разговоре.

Паша кивнул в сторону двери: "Уходи".

«—Я не твоя собачка, чтобы выполнять приказы», — процедила я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но я не собиралась плакать перед ним.

Даня усмехнулся: "Нет, ты котёнок".

Он наклонился к моему уху, и его дыхание обожгло кожу: "А котов приручают".

Паша толкнул его, не сильно, но достаточно, чтобы разорвать это опасное сближение: "Достаточно".

«—Если для тебя верность — это поцеловать другого, давай я при тебе прямо сейчас поцелую другого и пошлю тебя на три буквы», — слова сорвались с языка раньше, чем я успела их остановить, и в них была вся моя боль, вся злость и отчаянное желание доказать, что он меня не сломает.

Даня застыл, его глаза вспыхнули яростью, но за этой яростью мелькнуло что-то ещё, страх потерять меня, который он так старательно прятал: "Не смей".

Паша напрягся, готовый вмешаться, а Илья и Никита с интересом ждали, чем всё закончится, будто это была не чья-то жизнь, а игра.

«—Тогда отвали от меня и разберись в своей голове. Видно, такую, как я, ты ещё не встречал», — сказала я уже тише, потому что силы заканчивались.

Даня сжал челюсть, мышцы на шее вздулись: "Ты особенная, поэтому ты МОЯ".

Он отступил на шаг, но не ушёл, будто даже отступление было для него признанием слабости: "И я не отпущу".

Паша тихо вздохнул и в этом вздохе было столько усталости, что мне захотелось просто положить голову ему на плечо и перестать бороться.

«—Я не твоя больше», — прошептала я, и эти слова обожгли меня изнутри, потому что в них была и правда, и огромная, невыносимая боль.

Даня наклонил голову, его голос стал тише, опаснее: "Ты стала моей, когда согласилась быть со мной. И я не давал разрешения уходить от меня".

Паша положил руку мне на плечо, тёплую, надёжную, как якорь в шторме: "Она уходит в класс".

«—Да, пошли, Паш», — кивнула я, цепляясь за его присутствие, как за спасательный круг.

Паша кивнул и повёл меня к классу, время от времени оглядываясь на Даню, будто проверяя, не последует ли тот за нами.

Даня смотрел нам вслед, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. В его взгляде читалось не просто упрямство, в нём была борьба с самим собой, которую он проигрывал.

В коридоре Паша заговорил тихо, стараясь не задеть, но сказать самое важное: "Он реально не дружит с головой".

«—Больной он на голову», — согласилась я, но даже в этих грубых словах не было настоящей злости, только усталость и горькое понимание, что от этой боли так просто не избавиться.

Паша остановился у двери класса: "Присядь куда-нибудь. Стеша потом подсядет!"

Внутри уже сидели ученики, и их взгляды скользили по мне, как холодные пальцы.

«—Я не хочу с ней сидеть», — пробормотала я, чувствуя, как внутри снова поднимается волна раздражения и обиды.

Паша прищурился, внимательно глядя на меня: "Почему? Она что-то сделала?"

«—Если совсем коротко... Она любит Даню. Даня бежит за мной. Она считает, что я увела его у неё. Вот такой вот дурдом», — я пожала плечами, будто пыталась сбросить с себя эту тяжесть, но она не хотела уходить.

Паша почесал затылок и на секунду в его лице мелькнуло то же отчаяние, что и у меня: "Блин... Это будет проблема".

Из дальнего ряда махнула рукой Стеша, и её улыбка выглядела натянутой, как струна, готовая лопнуть.

«—Не реагируй на неё» — предупредила я, но в голосе уже не было прежней твёрдости.

Паша хмыкнул: "Она настойчивая".

Он показал на свободное место у окна: "Там спокойнее".

«—Она глупая», — прошипела я и сама вздрогнула от собственной резкости.

Паша усмехнулся, но в его улыбке не было веселья: "Главное — не скажи это вслух".

«—Я могу и вслух сказать», — пробурчала я, хотя уже понимала, что это не поможет.

Паша чуть приподнял брови: "Дерзай".

Стеша встала и направилась к нам, и в каждом её шаге чувствовалась решимость, смешанная с обидой.

Паша вздохнул: "Сейчас узнаем".

Стеша подошла, скрестив руки, и в её позе было столько напряжения, что казалось, она вот-вот взорвётся: "Привет, Милана, как давно не виделись!"

«—Знаешь, я перевелась из вашей школы не для того, чтобы тебя тут наблюдать. Даня и его друзья пришли за мной, а ты как собачонка вслед за ними прибежала», — слова вылетели сами, злые, безжалостные, и я тут же пожалела о них, но забрать обратно уже не могла.

Стеша задыхнулась от возмущения, её щёки вспыхнули алым: "Я не собака!"

Паша закатил глаза, будто хотел сказать: "Ну вот, началось".

«—Тогда исчезни с моего поля зрения», — процедила я, стараясь не смотреть ей в глаза, потому что там уже стояли слёзы.

Стеша упёрла руки в бока, голос дрожал: "Ты мне не указ!"

Она ткнула пальцем в стол: "Это моя территория"

«—Перепутала. Ты училась в другой школе, а это соседняя школа. Зачем ты перевелась следом за мной?» — спросила я и в моём голосе уже не было злости, только усталость.

Стеша запнулась, её взгляд метнулся в сторону, будто она искала выход: "Даня..."

Она осеклась, осознавая, что чуть не сказала лишнего: "Это... случайность!"

Паша снова закатил глаза.

«—Ой, ты вслед за Данечкой прибежала, а говоришь, не собачка!» — вырвалось у меня и я тут же почувствовала, как внутри всё сжалось от стыда за собственную жестокость.

Стеша сжала кулаки, её голос дрожал уже не от злости, а от боли: "Закрой рот!"

Паша шепнул мне: "Спокойно, Милан".

«—Он перешёл в другую школу за мной, и ты побежала следом», — продолжала я, будто не могла остановиться, как будто эта злость была единственным способом заглушить собственную боль.

Стеша подняла на меня глаза, и в них уже не было гнева, только отчаяние: "Он мой парень!"

Слеза выкатилась из глаза и медленно поползла по щеке.

Паша встал между нами, как барьер, который должен был удержать эту бурю: "Успокойтесь обе".

«—А он знает, что он твой парень?» — спросила я, и сама испугалась собственной жестокости.

Стеша прошептала, вытирая слёзы, но новые всё равно капали: "Конечно! Мы целовались!"

«—Вы давно расстались и давно не вместе. И то, поди, по пьяне целовались, когда он не соображал, а ты этим воспользовалась», — слова падали, как камни, и каждый из них оставлял на душе тяжёлый след.

Стеша замолчала, и в этой тишине прозвучал самый громкий удар, тот, который попал точно в цель.

Паша прикрыл глаза: "Это уже личное"

Он осторожно положил руку на плечо Стеше, и в этом жесте было столько сочувствия, что мне стало стыдно за себя.

Стеша всхлипнула: "Это неправда..."

«—Исчезни из моих глаз», — проговорила я, уже не с яростью, а с глухой усталостью, которая накрывала меня с головой.

Стеша отшатнулась, будто её ударили, и побежала к выходу, всхлипывая, а я осталась стоять, чувствуя, как эта жестокость разъедает меня изнутри.

Паша посмотрел на меня с лёгкой грустью: "Ты жестока".

«—Она так же со мной общалась в той школе», — попыталась оправдаться я, но слова звучали жалко и неубедительно.

"Но ты бы не оскорбляла её на глазах у всех", — тихо сказал Паша и в его словах не было осуждения, только понимание и тихая боль за всех нас.

Он сел рядом, тяжело вздохнув: "Всё это неправильно".

«—Она получила то, что заслужила», — пробормотала я, но сама уже не верила в эти слова.

Паша бросил взгляд на дверь, где исчезла Стеша, и в его глазах читалась та же усталость, что и во мне.

Прозвенел звонок, и звук этот ворвался в тишину, как приговор. Начался урок.

Паша наклонился ко мне: "Приготовься к уроку. И к Дане".

«—Да, удачи», — ответила я, стараясь звучать безразлично, но внутри всё сжималось в тугой узел.

Дверь открылась и Даня вошёл с кислым лицом, будто весь мир был ему чем-то обязан. Он коротко приказал Паше пересесть, и тот быстро поднялся и ушёл на другое место, бросив на меня короткий, ободряющий взгляд.

Даня указал мне рукой на свободное место рядом с собой: "Садись".

«—Я не буду с тобой сидеть», — сказала я твёрдо, но голос предательски дрогнул.

Даня не стал спорить. Он подошёл и схватил меня за запястье ,крепко, но не до боли, будто боялся, что если ослабит хватку, я исчезну навсегда: "Садись".

Его голос был холодным и жёстким, но в нём проскальзывала нотка отчаяния, которую он так старался скрыть.

Паша наблюдал с беспокойством, готовый в любой момент вмешаться.

«—Будешь наседать и продолжать бегать за мной, я снова переведусь в другую школу», — предупредила я и в этих словах была не угроза, а последняя надежда на то, что он услышит.

Его глаза вспыхнули яростью: "Ты не уйдёшь от меня второй раз".

Он притянул меня чуть ближе, и я почувствовала, как между нами натянулась тонкая, болезненная нить, которую ни один из нас не решался разорвать.

Даня прошептал угрожающе: "Последнее предупреждение ,садись, или я покажу тебе, что значит бегать".

«—Ну, что ж ты сделаешь? Будешь меня силой целовать при всех?» — спросила я, стараясь вложить в слова всю свою злость, но на самом деле в них звучала только боль ,от того, что всё зашло так далеко.

Даня усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья ,только горькая усталость: "Может, именно это я и сделаю".

Он отпустил моё запястье и откинулся на стуле, будто пытаясь скрыть, как сильно он устал от этой бесконечной игры.

"Посмотрим, как быстро ты передумаешь", — бросил он, а потом повернулся к учителю, игнорируя меня, но я чувствовала на себе его взгляд, тяжёлый и неотступный.

«—Дебил», — прошептала я едва слышно и в этом слове не было настоящей ненависти ,только боль и разочарование.

Даня чуть улыбнулся уголком губ: "Дебил, который всё равно получит то, что хочет".

Он повернулся к учителю, делая вид, что слушает, но я знала, что его мысли где-то далеко, там, где мы с ним ещё могли всё исправить.

«—Теперь я перевелась от тебя в другую школу, но ты меня и тут достал», — пробормотала я себе под нос, и эти слова отозвались внутри глухой тоской.

Урок начался, учитель что-то говорил, но его голос сливался с шумом в моей голове.

Даня нацарапал на краю тетради: "Я найду тебя где угодно".

«—Сначала разберись в своей голове, что это неправильно — заставлять свою девушку целоваться с другим», — ответила я, не глядя на него, но чувствуя, как каждое слово отзывается в нём, как удар.

Его лицо исказилось болью и на мгновение он перестал быть тем самоуверенным парнем, который привык всё контролировать, он стал просто человеком, который наломал дров.

Даня: "Я знаю".

Он закрыл тетрадь с глухим щелчком, будто поставил точку, которую на самом деле не хотел ставить. И уставился в окно, где по стеклу медленно ползла капля дождя, оставляя за собой тонкую дрожащую линию. Казалось, она повторяла ту самую трещину, что прошла между ними.

Даня прошептал одними губами: "Я лохонулся".

Слова прозвучали не как признание, а как удар по самому себе, тихо, но до хруста.

«—Так зачем ты заставлял меня и разозлился, что я не стала этого делать?» — мой голос дрогнул, и я тут же возненавидела эту дрожь. Не хотела, чтобы он слышал, как мне больно. Но он всё равно услышал.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки, будто пытался удержать в себе ту самую сцену, которая снова и снова прокручивалась у него в голове. Даня написал отрывисто, будто каждое слово давалось ему с усилием: "Я ревновал. Идиотски ревновал". Буквы легли на бумагу неровно, косо, как ломанные мысли.

Его глаза были пустыми и в этой пустоте я вдруг увидела не равнодушие, а ту самую боль, которую он прятал за злостью. Пустота была от того, что он сам себя вычеркнул из чего-то важного.

Даня: "Да, сейчас я понимаю, что я натворил".

Он признал это через силу, так, будто каждое слово царапало горло. И я почувствовала, как внутри что-то сжалось: не от злорадства, а от того, как тяжело ему далась эта правда.

Даня дописал, не поднимая взгляда: "Из-за этого я тебя тогда и потерял"

«—Верно», — ответила я коротко, потому что если скажу хоть на слово больше, голос сорвётся. И тогда он поймёт, что, несмотря на всё, мне до сих пор больно.

До конца урока мы больше не разговаривали. Тишина между нами стала тяжёлой, густой, как мокрый туман. Она не давала дышать, но и разорвать её казалось предательством, будто, сказав хоть слово, мы окончательно разрушим то, что ещё едва держалось.

Звонок прозвенел резко, оглушительно, словно ударил по натянутой струне. Звук разбил тишину, но не снял напряжение, оно осталось висеть в воздухе, острое и колющее.

Даня встал первым, не глядя на меня. Его движения были резкими, будто он пытался убежать не из класса, а от собственных мыслей.

Даня пробормотал: "Пошли".

«—Куда?» — спросила я и в этом вопросе прозвучало не любопытство, а надежда, которую я тут же приказала себе задушить.

"На перемену. Или ты хочешь остаться здесь?" — его голос был напряжённым, натянутым, как струна перед срывом.

«—С тобой никуда не пойду», — выпалила я и слова прозвучали жёстче, чем хотелось. В них смешались обида, боль и та самая любовь, которая не хотела сдаваться, но не знала, как простить.

Он остановился у двери, медленно повернулся. В его взгляде мелькнуло что-то такое, от чего у меня защемило в груди ,не гнев, не раздражение, а растерянность человека, который вдруг понял, что стоит на краю и не знает, как сделать шаг назад.

Даня холодно, почти без интонации: "Как хочешь".

И вышел, оставив меня одну в классе. Дверь тихо щёлкнула, закрываясь и этот звук отозвался внутри меня острой, звенящей тишиной. Я осталась сидеть, чувствуя, как холод медленно ползёт по плечам, а в горле стоит горький ком, который никак не получалось проглотить.

6 «Осколки сердца.»

Мы вроде успокоились, но это было не спокойствие, а тишина, выжженная обидой, болью и упрямой гордостью, такая тишина, в которой каждый звук отзывался слишком громко, а молчание становилось тяжелее слов. Наши разговоры ни к чему не приводили, только оставляли после себя горькое послевкусие. А ВРЕМЯ. Будто смеясь над нами, упрямо шло вперёд, не останавливаясь ни на секунду.

В коридоре Даня шёл быстро, почти бежал, рассекая воздух резкими движениями. Его друзья окликнули его, голоса прозвучали где-то сбоку, как эхо из другой жизни, но он только махнул рукой, не оборачиваясь, и растворился в потоке школьников, пропал с моего поля зрения. Наверное, пошёл домой, уроки на сегодня закончились, и у каждого теперь была своя дорога.

Я решила побыть одна, чтобы хоть немного унять эту тянущую боль внутри. Скоро будет год, как я учусь в новой школе, а впереди маячил выпускной, и от этой мысли становилось ещё тяжелее: столько времени ушло на эти бесконечные стычки, на попытки доказать что-то друг другу, на слова, которые нельзя забрать назад. Я больше так не могла. Мне нужно было решить, как жить дальше и как отпустить его. Поэтому я пошла на крышу: туда, где ветер срывал с мыслей лишнюю шелуху, где никто не мешал остаться наедине с собой и честно посмотреть правде в глаза.

Но я не ожидала увидеть там Даню.

Он сидел у самого края, свесив ноги, будто балансировал между небом и землёй. Когда дверь с тихим скрипом открылась, он не обернулся, но сразу напрягся, будто кожей почувствовал моё присутствие. В воздухе витал запах дождя и чего-то горького, почти металлического, как предчувствие.

Даня бросил небрежно, не глядя:

"Зачем пришла?"

«— Что ты тут делаешь? Я хотела побыть одна», — мой голос прозвучал тише, чем я хотела, будто крыша забирала у него силу.

"То же самое. Только раньше пришёл", — он бросил камень вниз, проследив за его падением до самой точки исчезновения. Звук удара где-то далеко внизу прозвучал как приговор.

Даня добавил устало, будто каждое слово тянуло его вниз:

"Теперь уже поздно."

«— Ты прав. Теперь уже поздно», — повторила я и эти слова обожгли язык, потому что в них было столько правды, что от неё хотелось спрятаться.

Молчание повисло между нами, тяжёлое, неловкое, набитое невысказанным, как старый чемодан, который боишься открыть, потому что оттуда может вылететь всё, что ты так старательно прятал. Даня закурил, и дым поднимался вверх, растворяясь в сером воздухе, будто пытаясь стать частью неба.

"Мы потеряли почти год", — тихо произнёс он, и в этом «почти» было столько сожаления, что мне стало больно дышать.

«— Ты сам виноват», — сказала я, но даже в этих словах не было злости, только усталость, такая глубокая, что она забирала все эмоции, оставляя одну пустоту.

Даня горько усмехнулся, затянувшись, и этот смех был похож на трещину в стекле: тонкий, звенящий, опасный.

"Знаю",— выдохнул он, стряхнув пепел и по-прежнему избегая смотреть в мою сторону, будто боялся, что если посмотрит, то не сможет остановиться.

Он помолчал секунду, а потом добавил, и в голосе впервые проскользнуло что-то живое, уязвимое:

"Но я всё ещё думаю о тебе каждый долбаный день."

Эти слова ударили не грубо, а мягко, так, как бьёт холод, когда ты уже почти привык к теплу. Они пробрались под кожу, и я вдруг поняла, что не готова к этой правде.

«— Мне неприятно, что мы почти каждый день с тобой ругаемся»,— голос мой дрогнул и я не стала это скрывать.

«— Я устала от этого. Давай просто уже каждый из нас будет жить своей жизнью. Отпустим друг друга.»

И тогда Даня резко повернулся, так резко, что ветер взметнул пряди волос, упавшие на лоб. Его глаза горели, и в них было столько отчаяния, что оно почти обжигало.

"Я не хотел этого на самом деле!" — выкрикнул он, и голос его сорвался на хрип.

«Я сказал... это была её идея!"

Он ударил ладонью по крыше рядом с собой, и звук отозвался глухим эхом, будто сама крыша вздрогнула.

"Я просто... не мог тебя потерять", — прошептал он, и на этот раз голос дрогнул по-настоящему, без притворства, без брони.

Я замерла, чувствуя, как внутри что-то сжимается и одновременно раскрывается, как цветок, который слишком долго был закрыт.

«— Это причём здесь она, если это был твой тест? »— я шагнула ближе, не осознавая этого и остановилась в шаге от него, чувствуя жар его дыхания, смешанный с холодом ветра.

Даня провёл рукой по волосам, растрепав их и на секунду прикрыл глаза, будто пытаюсь собрать себя по кусочкам.

«Потому что я боялся» — тихо признался он, наконец глядя прямо на меня. — "Боялся, что ты выберешь не меня. Боялся, что всё рухнет, и я не знал, как это остановить. Поэтому сделал всё ещё хуже."

Ветер трепал края его куртки, а я стояла и смотрела на него, и вдруг поняла: между нами не было просто обид и ссор. Между нами была любовь, неуклюжая, колючая, но настоящая. И она не хотела исчезать, даже когда мы делали всё, чтобы её убить.

Даня провёл рукой по волосам, растрепав их, и в этом неловком движении читалась вся его растерянность, будто он пытался собрать себя по кусочкам, чтобы не рассыпаться прямо передо мной.

"Потому что я был глупым и ревнивым мудаком!" — выкрикнул он отчаянно, и голос его сорвался, выдавая, как сильно он себя ненавидит за те дни.

"Я боялся, что ты меня бросишь, за то, что я такой... что со мной невозможно, что я не стою твоего взгляда."

Он сжал сигарету так, что фильтр треснул, и этот тихий хруст прозвучал в тишине, как треск чего-то давно надломленного внутри него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.